

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

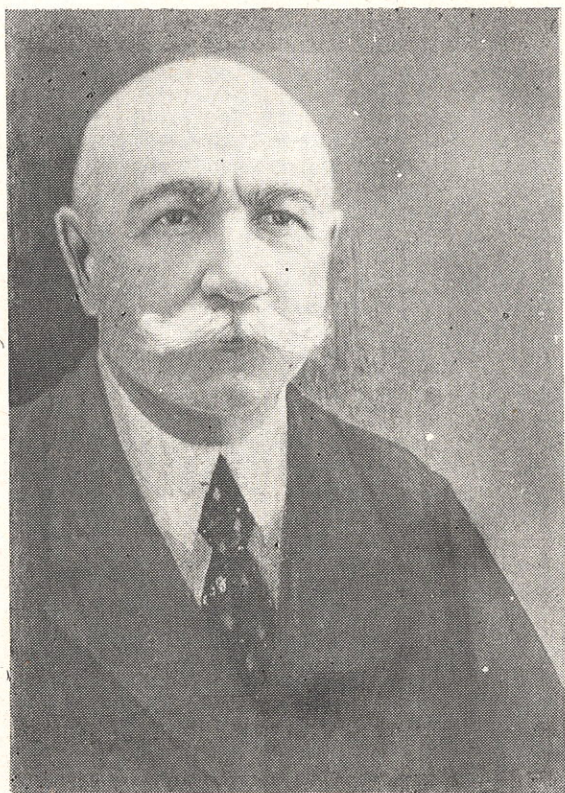
ВЫПУСК III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ—1954

Александр Александрович Семенов

ПОСВЯЩАЕТСЯ

старейшему востоковеду Узбекистана,
профессору, доктору исторических
наук, члену-корреспонденту Академии
Наук Узбекской ССР, действительному
члену Академии Наук Таджикской ССР

Александру Александровичу
СЕМЕНОВУ

ко дню его восьмидесятилетия
1873—1953

О. Д. ЧЕХОВИЧ

К ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА В XVIII В.

Середина XVIII в. в истории Средней Азии считается временем глубокого упадка хозяйства и культуры. Источники по истории XVIII в., пока еще слабо изученные, содержат не мало данных, подтверждающих верность такого определения. Однако едва ли правы те авторы, которые относят начало этого упадка в Средней Азии к XVI в. и объясняют его главным образом нашествиями завоевателей и изменением мировых торговых путей.

В настоящей статье собраны материалы по истории Узбекистана, которые могут способствовать выяснению вопросов о внутреннем социально-экономическом положении ханств и о причинах их упадка в середине XVIII в.

Источники по истории Узбекистана в XVIII в. свидетельствуют о том, что сельское хозяйство, ремесла и торговля весьма сильно страдали от внешних вторжений и набегов кочевников, но эти набеги стали возможны вследствие слабости феодально раздробленных ханств, обессиленных междоусобными войнами между феодалами.

В середине XVIII в. Бухарское ханство лишь номинально владело областями по Зеравшану и Кашка-Дарье, фактически же Самарканд с 1722 г. был отторгнут, Шахрисябзом самостоятельно управляли эмиры племени кенегес; хисарские владельцы совершенно не подчинялись Бухаре, так же как и балхский, андхудский, шибурганский и другие узбекские правители земель, ранее принадлежавших Бухарскому ханству; узбеки Миянкальской долины находились по отношению к Бухаре в состоянии непрерывного мятежа. В Ферганской долине образовалось независимое Кокандское ханство, Ташкент с 1741 г. существовал как отдельное владение. Ходжент и Ура-Тюбе были фактически самостоятельными. Хивинское ханство тоже не было подвластно бухарским ханам. В дельте Аму-Дарьи находилось независимое владение Арал, а в низовьях Сыр-Дарьи пытался отстоять свою независимость мирный земледельческо-скотоводческий народ каракалпаки, постоянно теснимый кочевниками с севера и искавший спасения в переходе в русское подданство.

Феодальная раздробленность узбекских ханств Средней Азии достигла в первой половине XVIII в. такой степени, что трудно подчас определить, где было крайнее развитие децентрализации внутри ханств и где происходил распад государства на части. Во всяком случае Бухарское и Хивинское ханства находились в то время на грани такого распада.

В первой половине XVIII в. Бухарское ханство не только распалось на отдельные области, ставшие независимыми владениями, но и внутри этих владений продолжался процесс децентрализации. Характерным примером может служить Шахрисябз, о котором Мухаммед Бафо пишет:

„Правители тех районов (дийар) всячески старались привести этот город [Шахрисябз] к захирению и упадку, а в своих собственных туманах (дар тумоноти мамлюка и худхо) строили новые благоустроенные города и крепости“.¹

Такая раздробленность была главной причиной хозяйственной и культурной отсталости узбекских ханств в XVIII в.

В связи с этим перед историками возникает вопрос о причинах феодальной раздробленности Узбекистана в XVIII в., имевшей столь тяжкие последствия для его народов.

В нашей исторической литературе пока еще нет удовлетворительного объяснения причин этого явления и связанного с ним хозяйственного и культурного упадка Средней Азии в XVIII в. Обычно ссылаются при этом на акад. В. В. Бартольда, обратившего внимание на обезлюдение некоторых старых городов, распад страны на уделы, сопровождавшийся междоусобными феодальными распрями, на набег кочевников, упадок земледелия и особенно торговли².

Но хотя именно Бартольд ввел слишком одностороннюю формулу „кризис XVIII века“, он добросовестно отметил и другое, менее заметное при поверхностном взгляде явление, что в XVIII в. „... местными беками и хакимами строились даже новые города, из которых некоторые, как Катта-Курган на Зеравшане и Ширабад в бассейне Аму-Дарьи впоследствии достигли большой величины“³. Бартольд же отметил, что „упадок Шахрисябза и возвышение Карши относятся к XVIII в. ... в Шахрисябзском округе теперь было несколько хакимов, из которых каждый строил себе крепость и старался заселить ее в ущерб другим и главному городу. В половине XVIII в. упоминаются крепости Китаб, Чиракчи, Сангфуруш, Кушчи и др... Возле крепости Сангфуруш имелось уже значительное поселение“. В Хивинском ханстве в XVIII в. возник город Газибад (Хазават)⁴, в Фергане — Наманган и Коканд, из которых последний стал столицей вновь образовавшегося Кокандского ханства; в Сыр-Дарьинской области сильно вырос Ташкент и возник Чимкент, к которому перешло значение центра этой области, прежде принадлежавшее Сайраму, причем Сайрам в 1735 г. был еще „немалым городом“, а в XIX в. стал уже только селением⁵.

Так же противоречиво излагает историю среднеазиатских ханств XVII—XVIII вв. Л. Н. Соболев, который решительно говорит об упадке, о низведении страны до „самого униженного и ничтожного состояния“, а между тем признает, что именно в XVIII в. „долина Зеравшана, на которой расположились кочевые узбеки, мало-помалу покрылась роскошными садами и богатыми хлебными полями“⁶.

¹ Тухфаи хани, ркп., ИВ АН УзССР № 16, л. 200.

² В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 99, 102.

³ Там же, стр. 100.

⁴ В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 128—129 и 96.

⁵ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 99, 103, 105.

⁶ Л. Н. Соболев, Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа. Записки РГО по отд. статистики, т. IV, СПб., 1874, стр. 306.

Л. Н. Соболев указал в своем сочинении на множество новых ирригационных каналов, проложенных в XVIII в.¹ При этом вследствие политических неурядиц, войн и набегов кочевников в некоторых местах, особенно в Миянкальской долине, в первой половине XVIII в. земледелие пришло в упадок, но зато на верхнем Зеравшане, у Пянджикента, куда перешло земледельческое население, строились новые каналы; во второй половине XVIII в. орошение Миянкальской долины было не только восстановлено, но и значительно расширено проведением новых водных магистралей.

Если вследствие феодальных неурядиц и войн опустели некоторые старые центры, то рядом с ними вырастали новые, куда переселялись ремесленники и торговцы.

В источниках того времени неоднократно говорится по поводу отдельных племен и феодальных владетелей, что они, разбогатев, начали бунтовать и отделились от Бухарского ханства, т. е. перестали подчиняться, делиться доходами с центральным правительством.

„Когда у племени ябу, жившего на Зеравшане между городами Дабусия и Кермине, скопилось обилие скота и зерна, они шагнули ногой верноподданства за круг искренней преданности; вместо благодарности [бухарскому хану] они вздумали изменить свое положение, зачеркнули чертой забвения летопись благородства Мухамед Рахим хана, подняли бунт и присоединились к восставшим буркутам“, — сообщает Мухаммед Вафо².

„Кенегесы Шахрисябза, вследствие многочисленности своих сторонников, обработанности и удобства страны, отказали в покорности Мухаммед Рахиму“³.

„Каждый, ставший правителем Кашмира, через три года непременно восстает против шаха Кабула, потому что он собирает очень много денег путем налогов на станки ремесленников и на рисовые посевы“, — заявляет бухарский историк Абдулкарим⁴.

Таким образом, было бы неправильно видеть в истории Узбекистана XVI—XVIII вв. только упадок хозяйства и культуры. Этот упадок имел место, особенно в первой половине XVIII в., как следствие феодальной раздробленности страны, но сама эта феодальная раздробленность была закономерным результатом более глубоких сдвигов в развитии производительных сил и особенно развития феодальной собственности на землю, происходивших в предшествующее время и постепенно приведших к усилению многочисленных провинциальных центров во главе с феодалами, собиравшими значительные материальные средства путем эксплуатации трудящегося крестьянства и ремесленников.

Феодальная раздробленность не была результатом того, что в XVII в. пришла к власти „менее авторитетная династия ханов аштарханидов“⁵, а наоборот, узбекские феодалы умышленно возводили на ханский престол знатных по происхождению, но не имевших в стране племенных связей, земельных владений и материальных ресурсов „посторонних“ ханов для того, чтобы с помощью традиционного, издавна укрепившегося в сознании трудящихся масс почитания ханской

¹ Соболев, цит. соч., стр. 234—245.

² Тухфаи хани, ркп. ИВ АН УзССР, № 16, л. 148 б.

³ Там же, л. 168а.

⁴ Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khokand) depuis les dernières années du règne de Nadir Chah (1153) jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818). Publiée, traduite et annotée par Charles Schefer. Paris, 1876, pp. 105-106.

⁵ История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 72.

власти успешнее их эксплуатировать и в то же время быть полными хозяевами в своих вотчинах.

Аштарханидские ханы в борьбе с вотчинниками пытались опереться на богатых горожан, у которых брали взаймы деньги для содержания наемного, независящего от местных феодалов войска¹, но безуспешно: ограниченность внутреннего и внешнего рынков, исторически сложившаяся в XVIII в., изолированность среднеазиатских ханств были причиной отсутствия в это время необходимых условий для прочного союза горожан и центральной власти. Это привело к победе вотчинников-децентрализаторов в первой половине XVIII в. Постепенное преодоление децентрализации началось только со второй половины XVIII в., но полного успеха оно не имело ни в этот период, ни позже—вплоть до присоединения ханств к России.

Феодальная раздробленность оказывала, конечно, обратное влияние на состояние производительных сил в смысле задержки их развития, но сама она явилась закономерным следствием роста производительности труда, главным образом в сельском хозяйстве, позволившего феодалам накапливать большие количества прибавочного продукта, что делало их, особенно в условиях орошаемого земледелия и сосуществования оседлых и кочевых групп населения, почти суверенными сеньорами в их вотчинах и уделах.

В вопросе об усилении феодальной раздробленности В. В. Бартольд придавал большое значение тому факту, что деление уделов между членами ханского рода сменилось делением их между родами (племенами). Однако это само требует объяснения. Повидимому, это изменение произошло именно вследствие усиления экономической и политической силы племен, и особенно их главарей, ставших к этому времени и крупными землевладельцами.

Ввиду того, что факты, относящиеся к истории производительных сил и производственных отношений в Узбекистане XVIII в., очень слабо изучены, мы можем привести здесь лишь отдельные сведения по этому вопросу, имеющиеся в доступных источниках и литературе.

Узбекские ханства занимали территорию в общей сложности около 100 тысяч кв. км. с населением до 3 млн. человек².

Большинство населения составляли узбеки, как оседлые земледельцы и горожане, так и полукочевники и кочевники; кроме узбеков население ханства составляли таджики, каракалпаки, туркмены, казахи, киргизы, евреи, индийцы, персы и в небольшом числе русские (в качестве военных слуг и рабов).

Огромную часть территории Узбекистана занимали бесплодные пустыни и горы, пригодные только для скотоводства. В долинах рек

¹ Убайдулламе, соч. Мир Мухаммед Амина Бухари, ркп. ИВ АН УзССР № 1532, лл. 1376—1386.

² Точных данных о численности населения узбекских ханств XVIII в. не имеется. Бланкеннагель насчитывал в Хиве 1793 г. не более 100 000 душ, что, по предположению В. В. Григорьева, является цифрой подсчета только мужского населения. (Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793-94 гг. с примечаниями В. В. Григорьева, Вестник РГО, ч. 22, 1858, стр. 94). По мнению Бурнашева, в Бухарском ханстве 1795 г. было до 3 млн жителей (Т. С. Бурнашев, Путешествие от Сибирской линии до г. Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 г., Сибирский вестник Гр. Спасского, СПб, 1818, ч. I-III, стр. 75). Мейендорф, посетивший Бухару в 1820 г., считал, что в ханстве проживает около 2 $\frac{1}{2}$ млн. человек. Если прибавить сюда население Кокандского, Ташкентского и других владений и сделать скидку на прирост населения за 100 лет, то получится приблизительно указываемая нами цифра (G. Meunendorff. Voyage d'Orenbourg a Boukhara, fait en 1820, à travers les steppes qui s'étendent à l'Est de la mer d'Aral et au-delà de l'ancien Yaxartes, Paris, 1826, p. 197).

существовали древние ирригационные системы и высококультурное интенсивное поливное земледелие. В относительно мирные периоды прокладывались новые каналы, и площадь орошаемых земель расширялась. Но во время феодальных междоусобных войн оросительные сооружения неоднократно разрушались, и это приводило к нарушению всей хозяйственной и культурной жизни, к тягчайшим бедствиям—голоду и вымиранию населения. Подобные явления, как указывалось выше, особенно характерны для первой половины XVIII в.

Основу хозяйства в районах с оседлым населением составляли земледелие и садоводство в сочетании с мелкой домашней промышленностью. Главными орудиями труда в сельском хозяйстве были кетмень (своеобразная мотыга) и омач (тип сохи). Из сельскохозяйственных культур здесь выращивались пшеница, рис, ячмень, просо, хлопок, различные растения (кунжут), виноград, разнообразные овощи и фрукты, табак, люцерна и джугара. Домашний скот состоял из верблюдов, коров, лошадей, ослов, овец и коз. Разводили также домашнюю птицу—гусей, уток и кур¹. Занимались и шелководством, но, по замечанию русского купца Даниила Рукавкина, побывавшего в Хиве и Бухаре в 1753 г., шелководство было менее развито, чем хлопководство².

В Бухарском ханстве разводили каракульских овец и вывозили каракуль в Россию³.

Посетивший Бухару в 1795 г. Т. С. Бурнашев отметил, что „...земледелие в Бухарии производится с хорошим успехом и выгодно... пахут на волах, такими же плугами, как в России. Иной год бывает две жатвы. Орошают землю каналами длиною по 100 верст и более, которые содержатся с особенным рачением. Пример, достойный подражания“⁴.

В другом месте Бурнашев отметил „беспримерное прилежание, с которым бухарцы возделывают землю“.

„Особливо же здесь в великом количестве родится хлопчатой бумаги“,—писал Ф. Ефремов⁵; он же отметил широкое развитие в Бухаре шелководства, садоводства и каракулеводства, а также и то, что на корм скоту бухарцы сеяли люцерну, которую косили несколько раз в течение лета. П. И. Рычков считал хлопок и шелк главными продуктами бухарской промышленности⁶.

„Разведение хлопчатой бумаги составляет также немаловажный предмет промышленности жителей Бухары“,—сообщает Бурнашев,—зерна отделяют (от хлопка)... на особых станках. Бухарцы прядут хлопчатую бумагу и делают из нее различные ткани, как для собственного употребления, так и для отпуски в Россию и другие места. Немало вывозится и сырой бумаги“ (хлопка)⁷.

¹ Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным, изд. Я. В. Ханьковым, Географические известия, 1850, 2, стр. 591-593.

² Описание пути из Оренбурга к Хиве и Бухарам с принадлежащими обстоятельствами бывшего при отправленном в 1753 г. из Оренбурга в те места купеческом караване Самарского купца Даниила Рукавкина, Новости литературы, 1823, кн. 5, стр. 377.

³ П. И. Рычков, Топография Оренбургской губернии, в кн. „Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана и С. С. Неустроева“, М., 1949 стр. 105.

⁴ Бурнашев, цит. соч., стр. 76. Имеется в виду, вероятно, омач, напоминающий русскую соху.

⁵ Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, возвращение отсюда чрез Англию в Россию, писанное им самим, СПб, 1786, стр. 64.

⁶ Рычков, цит. соч., стр. 106.

⁷ Бурнашев, цит. соч., стр. 76—77.

В составе продукции текстильного ремесла Ф. Ефремов упоминает: "... парчи полосатые с золотыми и серебряными узорами, атласы, бархат, магрематы, кутни полосатые с золотыми мелкими травками и всякие другие парчицы... чадры, широкий холст..., набойка, кисей, пестреди, фаты, бурметы, бязи и другие разные ткани... (которые) отвозятся в другие государства"¹.

Хотя некоторые русские путешественники и называют текстильные предприятия среднеазиатских городов "фабриками", однако это были лишь кустарные мастерские, чаще всего с одним-двумя станками и одним-двумя рабочими. Бурнашев отмечает домашний характер текстильной промышленности бухарцев в следующих выражениях: "Некоторые из сельских жителей, подобно городским, прядут бумагу и шелк и ткут материи, но те и другие не имеют для сих работ особенных зданий, а исправляют их в своих домах"².

Относительно шелководства и шелкоткацкой промышленности Бурнашев пишет: "Из шелка ткут парчи, атласы и саранчи не очень высокой работы"³.

Получая основные металлы из России, а золото и серебро также из Индии, Персии и Китая, бухарцы добывали у себя свинец, серу, купорос, нашатырь, квасцы, селитру и соль.

"Бухарцы сами льют из меди пушки и из чугунной ломи пушечные ядра. Из выплавленного же ими свинца делают ружейные пули. Свинцовые руды, добываемые близ Бухары, они плавят в небольших горнах без всякого искусства и с большою потерей металла, также как и литье снарядов. Они сами делают порох, но слабее Российского"⁴.

Как специальное занятие бухарских евреев указывается крашение шелка и шелкоткачество⁵.

Кроме столицы, большое политическое, а также торгово-промышленное значение (в смысле развития цехового ремесла) имели Самарканд, Карши, Джизак, Катта-Курган, Кермине, Нурата, Гузар, Заамин, Хатырчи и окружающие Бухару мелкие городки — Каракуль, Гиждуван, Варданзи, Вабкент и другие. Источник отмечает множество построенных уже в первой половине XVIII в. мельниц и толчей на каналах, отчего, якобы, терпело ущерб сельское хозяйство⁶. В бухарских городах существовало также ремесленное производство гончарных, железных и медных изделий, а для перевозки товаров по Аму-Дарье строились небольшие суда⁷.

Посол Петра I Ф. Беневени сообщал в реляции из Бухары в 1722 г., что во время правления Убайдуллы хана (1702—1711) в Бадахшане добывали золото, серебро и драгоценные камни.⁸ В Шейхджелилских горах хивинцами было найдено серебро⁹, однако добыча не была организована, так как хивинский хан оказался не в силах побороть сопротивление "больших озбеков" (т. е. феодалов), повидимому, не желавших допустить экономического укрепления ханской власти.

¹ Ефремов, цит. соч., стр. 64.

² Бурнашев, цит. соч., стр. 80.

³ Там же, стр. 79.

⁴ Там же, стр. 83.

⁵ Там же, стр. 66.

⁶ Убайдулламе л. 203.

⁷ Рукавкин, цит. соч., стр. 376.

⁸ Реляции Флоріо Беневени, в кн. А. Попов, Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом, СПб., 1853, стр. 142.

⁹ Беневени, цит. соч., стр. 142—143.

Так как сообщения Беневени довольно ярко (хотя иногда и не без тенденции) изображают внутреннее состояние узбекских ханств, приведем здесь некоторые выдержки из его „реляций“.

„Один кизилбош хану донес, что в Шеджелинских горах серебро и оно много достать можно; чего ради хан, определя работников, послал немедленно таковое золото искать, и с невеликим трудом сыскано и хану на образец большой кусок камня прислано, из которого при пробе больше половины серебра вышло, что услыша, озбеки большие, собравшись, вдруг к хану приступили, представляя ему, что таковое серебро не только вынимать не надлежно, но про него ниже человеку дати ведать не довелось, ибо могут с того легко войну с суседами нажить. Чего ради хан того ж часу велел сысканную руду по прежнему зарыть и оногo рудокопца живого в землю закопать“¹.

„Когда отец сего Бухарского хана в доброй силе бывал и владел Балхом, во все годы одного из своих ближних посылал туды в Бадахшан лалов (бадахшанские рубины) собирать. И помянутые беки [Бадахшана], опасаясь бухарских сил, не отказывали и как лал, так и золото давали. Балх потом, когда от Бухаров отцепился и себе особого хана выбрал, хану бухарскому весьма отказано и балхскому стали давать оную дачу, однакож ненадолго; ибо увидя, что и тот ослабел, всем генерально отказали и с того времени помянутые ворота [у разработок] не отворены и лалу никто не бирывал.

„Отселе [т. е. из Бухары] до Балху с верблюдом дней десять езды, из Балху до Кандегару семнадцать мензилов (переходов) считают. Ныне никто не ездит для того, что озбеки между собою драку имеют и везде на дорогах грабят“², доносил Ф. Беневени 10 марта 1722 г.

„Дороги кругом залегли; токмо одна Балхская дорога отчасти служит, а и тамо ныне торг весь оскудел, ибо четвертый год тому, как караваны не ходят в Индейские страны на Кабул, Элахор и прочие города; оттоле к Кабулу также не проезжают, ибо озбеки в горах сильны стали и непрестанные промеж собою драки имеют“³, — писал Ф. Беневени Петру I в реляции от 4 марта 1723 года.

„Что касается до коммерции, вашему величеству доношу, что оная коммерция в здешнем крае с добрым порядком, как инде практикуется, николи заведена быть не может, разве тогда, как хан получит соврение, озбеки ему мешать не будут... Того ради и здесь одному приезжему торговому за деньги вдруг товар свой продать невозможно, для того что здесь не сыщется такой торговый богатый; токмо перепродавцы товар берут в долг, а заплачивают как продадут на лавки; не без того, что и денежный человек сыщется, однакож со страху от озбеков себя не оказывает. Другая также немалая причина, что наприклад, купец один от другого товар купит на наличные деньги и оный товар продержит хотя три года, потом захочет назад отдать и то по озбецкому суду позволено“⁴.

Последнее замечание о применении в Бухаре своеобразных и явно тормозивших торговлю правил шариата подтверждается и други-

¹ Беневени, цит. соч., стр. 143.

² Там же, стр. 142.

³ Там же, стр. 144—145.

⁴ Там же, стр. 139—140.

ми источниками. Бурнашев, например, даже относительно периода 1800 г. сообщал, что „... всякий покупатель товара, буде ему не понравится, имеет право возратить оной хозяину, хотя то было через неделю и более и он беспрекословно должен взять товар и отдать обратно полученные деньги“¹.

По всей вероятности, об этих же устарелых правилах торговли говорится в местном источнике XVIII в. „Убайдулланаме“. Автор этой хроники Мир Мухаммед Амин Бухари, защищая стародавние обычаи, жалуется на вмешательство „новых, безродных советчиков хана“, которые не позволяли растягивать надолго процесс заключения сделок и при конфликтах судили не по шариату².

Состояние внутренней торговли в Бухарском ханстве XVIII века очень скудно освещено источниками и крайне слабо изучено. Ф. Ефремов перечислил только некоторые товары и рынки³. Факт появления в этот период новых городов и значительных поселений (Катта-Курган, Ширабад, Сангфуруш, Газибад), в которых имелись рынки и велась оживленная торговля, а также наличие в Бухаре, Балхе, Самарканде, Карши, Хисаре и других городах крупных торговцев, ссужавших деньгами ханов и пытавшихся вмешиваться в политическую жизнь страны⁴, заставляют предостеречь против обобщенного и расширительного толкования реляций Беневени 1722 г. о том, что „все дороги залегли“, так как „узбеки в горах сильны стали“. Аналогичные жалобы, встречающиеся в местных источниках начала XVIII в., показывают, насколько феодальные распри были, по общественному мнению, досадной помехой в развитии торговли. Острота, с которой ощущалась и трактовалась эта помеха, показывает, насколько назрел в то время конфликт между разбогатевшими и усилившимися местными владельцами, виновниками децентрализации, и группировавшимися вокруг мангытов силами торгово-ремесленного населения, тягело переживавшего феодальные распри.

П. П. Иванов
XVIII в.
из книги
Визит

С другой стороны, утверждение П. П. Иванова о том, что к концу XVIII в. в Бухаре завершалось формирование внутреннего рынка⁵, кажется нам крайним преувеличением.

Относительно роста внешней торговли имеются прямые свидетельства современников.

Торговля с Россией уже с XVI в. была чрезвычайно важна для Бухарского и других узбекских ханств. Это подтверждается многочисленными посольствами Бухары и Хивы, весьма часто отправляемыми к русскому двору в Москву и Петербург⁶, а также данными о ввозе в Россию товаров из Средней Азии, сохранившимися в русских таможенных книгах. Часть этих данных опубликована в виде таблиц в „Материалах по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР“⁷.

¹ Бурнашев, цит. соч., стр. 81.

² Убайдулланаме, л. 203.

³ Ефремов, цит. соч., стр. 64 и сл.

⁴ Убайдулла-наме, л. 59, 1376, 1386, 201а и сл.

⁵ П. П. Иванов, Казахи и Кокандское ханство, ЗИВ АН СССР, VII, 1939, стр. 98.

⁶ Н. И. Веселовский, Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях. По документам Московского Главного Архива Министерства Иностранных дел, СПб., 1884; С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, II., 1915.

⁷ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1, Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв., Л., 1932.

После присоединения Казахстана к России и основания города Оренбурга торговые сношения Бухары с Россией приняли регулярный характер не только через Сибирь и водным путем через Хиву и Астрахань, но и непосредственно через Казахстан. Главными предметами вывоза из Бухары в Россию в середине XVIII в. были хлопчатобумажные и шелковые ткани, каракуль, хлопчатобумажная пряжа, а также хлопок и шелк. Из России в Бухару привозили железо, медь, олово, чугуны (в изделиях), сукна, краски, пушнину.

Большие размеры имела также торговля бухарцев с кочевниками Казахстана, куда они вывозили хлопчатобумажные ткани и сшитое из них платье в обмен на лошадей, баранов, пушнину и шерстяные изделия¹.

Посетивший Среднюю Азию в 1793—1794 гг. майор Бланкеннагель в своих путевых заметках писал, что „из Бухарии ходят беспрестанно караваны в Кабул и далее в Индию; дорога, как уверяли меня, не подвержена великим опасностям; караваны из Бухарии до Индии доходят менее нежели в 30 дней. Индейские товары свозятся бухарцами и в Кашгар или Малую Бухарию, где получают в уплату за оные товары по большей части серебро в слитках. Караванный путь до сей Бухарии продолжается 30 дней и сказывают, что в прохождении пути сего никакой нет опасности“².

„Бухара,—писал Бурнашев в 1795 г.,—весьма многолюдна. Сверх большого числа собственных жителей, здесь всегда множество находится людей, приезжающих для торговли из Персии, Индии, Китая, Кокандского, Ходженского, Ташкентского и Хивинского владений, также российских татар, грузин, армян и разных кочевых народов“³.

Бурнашев видел в Бухаре девять двухэтажных караван-сарая, специально приспособленных для приема приезжающих купцов с их товарами, где плата за хранение товаров взималась соразмерно времени их пребывания в караван-сараях⁴.

В Хивинском ханстве в середине XVIII в., кроме столицы—гор. Хивы, имелось несколько городов: Ургенч, Хазарасп, Ханка, Кят, Шахабад и Газибад. Русский геодезист Муравин, побывавший в Хиве в 1740—1741 гг., считывал у хивинцев восемь городов и отметил в своем журнале, что они сеют хлеб, пшеницу, полбу, ячмень, рис, просо, джугару, маш, кунжут, хлопок и табак; пашут на быках; землю орошают каналами. Имеют верблюдов, коров, лошадей, волов, овец, коз, гусей, уток, кур. В садах их яблоки, груши, гранаты, виноград, джида, сливы, тутовые деревья; в огородах—арбузы, дыни, огурцы, морковь, репа, редька, капуста, лук и горчица. Занимаются шелководством, имеют „заводы“ хлебные, мельницы, толчеи, приводимые в движение верблюдами, лошадьми и быками. Косят сено-камыш и сеют люцерну, которую скашивают два раза в год⁵.

Муравин сообщал, что „хивинцы торгуют в своем городе; к ним приезжают Российские купцы через Астрахань и Бухарию; также шемахинские (т. е. персидские) товары к ним привозят; товары они, хивинцы, имеют шелк и бумага хлопчатая у них родится; также делают кушаки... и оные хивинцы сами ездят в Бухарию, Персию и в Россию“⁶.

¹ Рычков, Топография... стр. 102, 105 и 107.

² Бланкеннагель, цит. соч., стр. 100.

³ Бурнашев, цит. соч., стр. 68.

⁴ Там же, стр. 73.

⁵ Муравин, цит. соч., стр. 555.

⁶ Там же.

Хива
середина
XVIII в.

„В Хиве делают порох, а серу горючую покупают в Бухаре“¹. Русский купец Рукавкин, посетивший Хиву в 1753 г., отметил высокий урожай зерновых, производство кунжутного масла и значительные посевы хлопка в Хивинском ханстве.

„Хлопчатой бумаги сеют довольно, а шелковые заводы имеют небольшие; деревьев шелковичных при садах и каналах довольно. Заводы всякий, кто пожелает, имеет беззапретно, не требуя к тому никакого дозволения“. Рукавкин понимал под „заводами“, конечно, мелкие промышленные заведения кустарного типа. Далее он сообщает, что „жителей в крепостях [городах] Хивы весьма мало и торги производят в установленные дни, так как в российских селах, а большой торг у них бывает в Ургенче: приезжают казахи, бухарцы, туркмены и аральцы. Хивинцы живут вокруг городов, каждый при своем разведенном саду, где и хлеб для себя сеют... Скот покупают у казахов и аральцев“². Текстильную промышленность Хивы Рукавкин назвал посредственной в отношении качества шелковых и хлопчатобумажных тканей, которые вывозились хивинцами в Оренбург на продажу. „Здесь [в Оренбурге] накупя российских товаров ездят с оными в Бухарию и Персию и покупаемые там товары привозят опять в Оренбург“³.

Мы почти не имеем, к сожалению, источников для характеристики производительных сил Кокандского ханства в XVIII в.

Бухарский историк начала XIX в. Мир Абдулкерим Бухари считал, что Кокандское ханство по размеру больше Хивинского и причислял к нему такие города с их областями, как Ходжент и Ташкент. Но в XVIII в., как отметил П. П. Иванов, территория Кокандского ханства ограничивалась одной только центральной частью Ферганской долины, причем северо-восточной ее частью владели киргизские правители⁴. Акад. В. В. Бартольд считал Коканд примером экономического прогресса населения в XVIII в. и указал на то, что Коканд и Наманган возникли и выросли в крупные города именно в это время.⁵

Филипп Назаров, посетивший Фергану в 1813—1814 гг., рисует Коканд как весьма обширный и многолюдный город с 400 мечетями, тремя рынками и 20-тысячным войском.

„Коканд и все Кокандское государство,—пишет Назаров,—изобильно хлопчатой бумагой и шелковичными деревьями; везде видишь засеянные хлопчатой бумагой поля, из коей кокандцы приготавливают ткани и меняют оную бухарцам на российские товары: железо, выдр, сандал... купорос, сталь, сукна.“ Шелководство, по словам Назарова, имеет массовый характер, шелк вывозится в Бухару, а шелковые изделия (парчи) продаются киргизам. Назаров побывал в Андижане, Намангане и Маргелане и отметил, что все эти города очень многолюдны, население занимается ткачеством хлопчатобумажных и шелковых тканей, вывозит их в Кашгарию, Хивинское и Бухарское ханства, Каратегин и Киргизию. Проезжая по городам, Назаров видел „беспредельно разбросанные многолюдные деревни, конх жители... занимаются изделием хлопчатой бумаги и разведением шелковичных червей“⁶.

¹ Муравин, цит. соч., стр. 593.

² Рукавкин, цит. соч., стр. 376—377.

³ Там же, стр. 380.

⁴ П. П. Иванов, цит. соч., стр. 96—97.

⁵ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 103—104.

⁶ Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского Корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813—1814 годах СПб., 1821, стр. 46, 62, 75.

Из Кашгарии кокандцы ввозили чай, фарфоровую посуду, серебро в ямбах, краски и китайские ткани¹. Торговое значение Коканда отметил и Мейендорф:

„В Коканде 4 каравансарая; множество иностранных купцов пребывает в них постоянно. Вся торговля Ташкента и Кашгара с Бухарой ведется в Коканде“².

Однако этого развития Кокандское ханство достигло лишь в начале XIX в., а в рассматриваемый нами период XVIII в. и особенно в начале этого периода размер производства хлопка, шелка и торговля изделиями из них, повидимому, были много скромнее. Бесспорным все же является то, что производительные силы Ферганы именно в XVIII в. росли довольно быстро; к этому времени относится проведение многочисленных новых оросительных каналов и оседание на землю кочевников³. В источниках отмечается переселение во второй половине XVIII в. в Кокандское ханство значительного числа узбеков из Самарканда и из Кашгара⁴.

Относительно Ташкентского владения современники отмечают, как и для Коканда, значительный рост производительных сил в XVIII в. Так, Пospelов в 1800 г. пишет, что в Ташкенте вырабатывались хлопок и шелк, но производство этих видов сырья не удовлетворяло потребностей кустарной текстильной промышленности и потому ташкентцы вынуждены были покупать хлопок и шелк в соседних владениях.

„Покупное ж вместе с своим обрабатывают на разные ткани, как для себя, так и на продажу посторонним, чем и занимается большая часть людей обоого пола. Дело сих тканей в Ташкенте, как и сами тамошние обитатели признаются, в чистоте уступает еще другим владениям“⁵.

В другом месте Пospelов пишет, что „хотя в Ташкентском владении урожай хлеба всегда бывает изобильный (сам-20 и более) и в посеве оного многие упражняются, однакож таковых, кои занимаются другими ремеслами, гораздо более и потому большого запаса [хлеба] в нем [т. е. в Ташкенте] не предвидится“⁶.

Пospelов высоко оценивает трудовые навыки и традиции жителей Ташкента:

„Вообще должно сказать о весьма отличном трудолюбии народа и что из оного мало таких, коим бы праздность была известна и они, как нужное для себя пропитание, так и подать частновременно собираемую, приобретают единственно неусыпными своими трудами“⁷.

По свидетельству Пospelова и Бурнашева, жители Ташкента имели мало скота:

„Они находят для себя выгоднее упражняться в земледелии и рукоделиях, и на сии уже выменивают сколько нужно скота более от киргизцев. Впрочем, имеющегося у них скота держат или на полевом корму, или довольствуют посеянной нарочно для того травой, так же ячменем и соломою“⁸.

¹ Назаров, цит. соч., стр. 69.

² Мейендорф, цит. соч., стр. 117.

³ В. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 20—28 и сл.

⁴ Там же стр. 61.

⁵ Поездка Пospelова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г., с примечаниями Я. Ханькова, Вестник РГО, кн. 1, ч. 1, отд. VI, 1851, стр. 334.

⁶ Там же, стр. 34—35.

⁷ Там же, стр. 35.

⁸ Там же, стр. 34—35.

Кроме пшеницы и ячменя, упоминают культуру риса и просо. О металлической „промышленности“ Ташкента Пospelов говорит, что ташкентцы „выплавляют“ чугуны и делают из него посуду. Руду добывают в отрогах Алтайского хребта. . . для плавки чугуна из руд в небольшом количестве приготовленных, сделан горни, который приводится в действие посредством ручных мехов. . . чугунную посуду продают всем, надобность в ней имеющим. . . Пушки лют из привозимой из России меди. . . их всего 5 штук, но очень толсты и не искусственно сделаны (более для страха, чем для действия). . . свинец добывают в Каратау, а больше привозят из других мест. . . Селитра добывается на месте и очищается вывариванием. Серу привозят из соседних владений. Порох делается в Ташкенте и довольно хорош, но мало¹.

Акад. В. В. Бартольд приводит предание о первой пушке, отлитой будто бы в Ташкенте в 1780 г. из отобранной у населения медной посуды².

Все путешественники отмечают обилие в Ташкенте садов и разнообразие фруктов.

Состояние торговли в Ташкенте первой половины XVIII в. нам известно из рассказа Нурмухаммеда, записанного в 1735 г. и опубликованного в книге А. И. Добросмыслова:

„Торг в Ташкенте внутренний в четверг, в пятницу, в понедельник всякими товарами и прежде бывало приезжие купцы становились, кто где хотел и принимали жители без всякого найму. А главный рынок в Кремле, у которого недавно сделаны городские амбары и пускают в них из малой платы приезжих складывать свои товары, причем и сами живут. Прочих малых рынков в большом городе множество, а во всяком базаре один товар, в коем хлеб, в том другого ничего нет; бумага хлопчатая, шелк, кафтаны, сапоги, выбойки, шелковые парчицы и прочее все по разным рынкам. . . Ташкентские купцы ездят в Бухару, Анджуд, Самарканд, Карши, Шахрисябз, Куляб“.

Далее Нурмухаммед упоминает о торговле с городами, лежащими на Сыр-Дарье, а также с Бадахшаном, Балхом и Миянкалем.

„... Русские товары получают они из Бухары; когда уведают караван астраханский, пришедший в Бухару, тогда и ездят. От казахской орды получают меха (корсаки и лисицы), кои меняют на привозные товары и расходятся в Ташкенте на платье“³.

Об аральцах, т. е. узбеках, живших в устье Аму-Дарьи, Муравин сообщает, что „...они кочуют, но ныне сеют около рек и озер пшеницу, просо, ячмень и джугару.“ В их огородах он видел арбузы, дыни, тыквы, огурцы, морковь, свеклу, чеснок, лук и горчицу. Пахали на быках, орошали землю каналами из рек и озер. Повидимому, XVIII в. для аральцев был временем перехода к прочной оседлости.

Каракалпаки, раньше жившие в низовьях Сыр-Дарьи, в XVIII в. перешли к Аму. Они сеяли просо, ячмень и пшеницу в низких местах около рек. Почва у каракалпаков, по наблюдению Муравина, была

¹ Пospelов и Бурнашев, цит. соч., стр. 26—36.

² В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 105.

³ А. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912, стр. 17—18.

хуже, чем у аральцев. Наряду с земледелием, многие каракалпаки, как и аральцы, сохраняли в качестве основного занятия скотоводство¹.

Бурнашев так охарактеризовал каракалпаков 1795 г.:

„В летнее время по обеим луговым сторонам (Аму-Дарьи) каракалпаки производят землепашество. Они татарского племени. Веру содержат магометанскую. Пропитание имеют наиболее от земледелия. Лошадей держат мало, но много рогатого скота, которого гоняют для продажи в Хиву и Бухарию. Они умеют делать ружья и сами готовят свинец и порох. Будучи миролюбивы, употребляют оружие единственно только для защищения себя от набегов киргизцев (казахов). Жилища их находятся около Аральского моря и по рекам, в оное впадающим“².

Занятия землепашеством и торговлей не были у каракалпаков второй половины XVIII в. новшеством: Муравин в 1740 г. тоже упоминает о торговле каракалпаков в Хиве, Бухаре и в Аральском владении, а П. И. Рычков в своей „Истории Оренбургской“, написанной в 1744 г., говоря о нижних каракалпаках, живших у Аральского моря, сообщает, что они „...питаются хлебопашеством, содержанием скота рогатого, также и производимыми в тамошних местах торгами“.

Численность приаральской части каракалпаков П. И. Рычков определяет до 20 000 семейств; по его сведениям, верхних каракалпаков, живших по соседству с джунгарами, было гораздо больше, чем нижних, и земледелие у них было меньше развито.

Каракалпаки, как народ мирный и земледельческий, постоянно страдали от набегов кочевников и с 30-х гг. XVIII века прибегали к защите Российской империи.

Испытывая разорительные набеги казахов, каракалпаки в XVIII в. начали передвигаться к югу, ближе к Хивинскому ханству.

Выше мы привели сведения из источников, показывающие характер и уровень развития ремесел и торговли в городах Узбекистана, но должны отметить, что эти предметы в нашей исторической науке крайне слабо изучены. Вопрос об уровне развития товарного производства и денежного обращения в Узбекистане XVIII в. до сих пор не был предметом специального изучения. Поэтому наши выводы могут иметь только самый общий и предварительный характер.

Несмотря на длительный, многовековой период развития, ремесла и торговля в городах Узбекистана, не только в XVIII в. но и позже, вплоть до присоединения Средней Азии к России, имели чисто феодальный характер; товарное обращение и производство затрагивали лишь самую незначительную часть народного хозяйства, главным образом предметы потребления господствующих классов, предметы роскоши. Только в столицах, например в Бухаре, товарно-денежные отношения достигали значительного развития, но и здесь они обслуживали лишь феодальное хозяйство.

Очень многие горожане еще в XIX и XX вв. наряду с ремесленными мастерскими имели в черте города или в его окрестностях участки земли, на которых возделывали хлеб и овощи для собственного потребления. Денежная рента даже на посевы технических культур (хлопок, табак) заметно распространилась только в XIX в.

Основой народного хозяйства, особенно в сельских и отдаленных местностях, как в оседлых, так и кочевых районах, оставалось натуральное хозяйство, сочетание земледелия и скотоводства с домашней промышленностью.

¹ Гладышев и Муравин, цит. соч., стр. 551, а также Бланкен-нагель, цит. соч. стр. 96.

² Бурнашев, цит. соч., стр. 43.

Торговые отношения между земледельцами и скотоводами, а также внешняя торговля узбекских ханств, часто нарушались войнами между феодальными группировками. Если в периоды относительного мира торговля и ремесла могли развиваться, как, например, это было в конце XVI и отчасти в XVII в., то в изучаемое время, вследствие феодальной раздробленности страны и неоднократных вторжений кочевников, они испытывали самые тяжелые затруднения, приведшие даже к временному обезлюдению таких городов, как Самарканд, Хива и Шахрисабз. В то же время создавались новые торгово-ремесленные поселения, такие как Ширабад, Катта-Курган, Газибад, Сангфуруш, Коканд, Наманган, Чимкент¹. Выросло торговое и промышленное значение старых городов — Балха, Хисара, Термеза и особенно Ташкента.

Ремесла и торговля, ранее сконцентрированные в немногих крупных городах, в XVII—XVIII вв. развивались и на окраинах, в многочисленных новых областных и районных центрах. Особенно быстро в изучаемое время росли города Ферганы и Ташкент, куда переселилась часть ремесленников Самарканда и Кашгара, где в то время свирепствовали феодальные войны.

Одной из важнейших специфических черт истории Узбекистана XVIII в. следует признать сосуществование здесь оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого населения, причем последнее находилось в процессе оседания и полуоседлости.

Кочевые племена составляли значительную часть населения Узбекистана. Племена эти были в XVIII в. уже очень далеки от примитивного родового быта и являлись поздними территориально-политическими объединениями. Основу каждого племени составляли остатки древних родов вместе с частями других, отколовшихся в процессе разложения родо-племенной системы.

Классовое расслоение внутри узбекских племен привело к тому, что реальных общих интересов у членов племени — трудящихся кочевников и их эксплуататоров — крупных скотовладельцев и землевладельцев, кочевых феодалов, — было мало. Пережитки патриархально-родового строя в этих условиях играли реакционную роль, затушевывая противоположность классовых интересов. Эти пережитки усиленно культивировались и сохранялись эксплуататорами — биями, султанами, шейхами, которые использовали трудящихся кочевников как пастухов на выпасе своих стад и как военную силу против других племен.

Между кочевниками-скотоводами и земледельческим, а также городским населением узбекских ханств существовали постоянные мирные торговые отношения и известное разделение труда. Кочевники нуждались в хлебе и одежде, которые они покупали у крестьян и ремесленников; продавая взамен скот и продукцию скотоводства и домашней промышленности (шерсть, кожи, ковры и т. д.). Но благодаря ожесточенным раздорам между феодалами — главами кочевых племен, особенно усилившимся в первой половине XVIII в., оседлые деревни и города с их ирригационными сооружениями в изучаемый период часто становились объектами разрушительных военных набегов, а торговые пути преграждались воинственными дружинами феодалов.

Раздоры и войны между феодалами происходили из-за земель. Когда племена были целиком кочевыми, они воевали между собой за лучшие пастбища. В XVII—XVIII вв. в Узбекистане кочевники постепенно переходили к полуоседлости. При этом беднейшие, эксплуатируемые

¹ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 100—105; его же, К истории орошения Туркестана, стр. 96.

Только ли?
Биями кочевники, потерявшие скот и возможность вести кочевую жизнь, вынуждены были переходить к земледелию, проводить новые каналы на худших, труднее орошаемых землях. При этом вольные, хотя бы внешне, кочевники попадали в приниженное положение феодально зависимых крестьян.

Беднейшие слои, первыми оседавшие на землю, презирались остальными кочевниками, так как земледельцы были более угнетены и беззащитны. Зато богатые скотовладельцы, предводители племен и их дружинники в процессе оседания становились землевладельцами. Они приобретали населенные территории, присваивая себе земли, принадлежавшие племени в целом, получая их в виде ханских пожалований (за военные заслуги), покупая у ханов и у других собственников или путем прямого захвата.

В течение XVI—XVII вв. происходило постепенное превращение кочевой знати (биев, эмиров племен) в крупных феодальных земледельцев. Об этом свидетельствуют сохранившиеся предания, свидетельства актов и исторических хроник.

Вот одно из народных преданий в передаче А. Д. Гребенкина:

„Катаганы . . . , по их преданию, вышли из под Кундуза при Абдулазизе (1645—1680), который подчинил кундузские владения своей власти. Во время пребывания Абдулазиза в Кундузе старший из катаганов, Назар бек, со многими из своих одноплеменников, пожелал присоединиться к войску хана и со всеми своими стадами, женами и детьми направился через Гисар и Шахризьябское владение на Самарканд . . . Назар бек, дослужившийся до парвоначи, приобрел в Самарканде большое состояние в землях, которое завещал—они были милки хурри холис—своим сподвижникам, как в акфи авля д. т. е. в потомственное владение. Эти земли, которыми пользуются до сих пор катаганы, находятся в кишлаках Яримтуг и Испанди. Их катаганы сами не обрабатывают, но отдают в аренду узбекам других родов¹.

Сохранившиеся поземельные акты XVII—XVIII вв.² и исторические хроники показывают, что основу могущества крупных феодалов, таких как, например, Ялангтуш бий алчин, Надир диванбеги, Аллаберди бий минг, Ибрагим бий кенегес, Узи Тимур бий катаган и другие, составляли их земли, которые давали им средства для содержания военных дружин и для строительства зданий, не уступавших подчас по монументальности постройкам прославленных среднеазиатских владык. (имеются в виду медресе Ширдар и Тиллякари в Самарканде, ансамбль Надира диванбеги, медресе Кукалташ в Бухаре и др.).

В связи с назревшей экономической необходимостью перехода к полuosедлости и оседлости бий, пользуясь трудом подвластных им крестьян, прокладывали новые оросительные каналы и таким образом получали в свое распоряжение новые площади орошаемых земель, причем население этих районов, состоявшее из подвластных своим племенным биям бывших кочевников, превращалось в процессе оседания в феодально зависимых земледельцев³.

Для XVII и начала XVIII в. был характерен постепенный рост частновладельческой феодальной земельной собственности за счет государ-

¹ А. Д. Гребенкин, Узбеки, Сборник Русский Туркестан, вып. 2, М., 1872, стр. 85—87.

² Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв., сост. О. Д. Чехович, под ред. А. К. Арендса, Ташкент, 1954. Далее обозначается как „Документы“.

³ Фирдаус ал-икбал, ркп. ИВ АН УзССР № 821, л. 386; Тарихи Абулфайз хан, ркп. ИВ АН УзССР № 11, лл. 117 и 119—120; Убайдуллонаме, л. 20 и сл.

ственной. Это видно из дошедших до нас многочисленных документов о продаже ханами государственных земель частным лицам (обычно крупным феодалам, придворным и сановникам государственного аппарата) и о предоставлении землевладельцам налогового иммунитета в обмен на материальное возмещение, состоявшее обычно из двух третей того земельного владения, которое на правах государственной собственности было ранее в пользовании феодалов. Предпочитая владеть землей на правах собственности, обеленной от всех налогов, феодалы отдавали в казну две трети своей земли с тем, чтобы треть, оставшаяся у них, обладала иммунитетными правами¹.

Имеется множество документов, свидетельствующих о том, что земли продавались и покупались, закладывались, обменивались, дарились и переходили по наследству между феодалами².

Переход части земли из государственной собственности в частную феодальную собственность не мог не отразиться на положении крестьян в смысле усиления их феодальной зависимости от землевладельцев. Закономерность этого процесса теоретически обоснована Марксом в „Капитале“.

„Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей.

Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный, прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура экономического общества (*Gemeinwesen*), вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства. Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно-различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно

¹ „Документы“, № 5, 10, 11, 12, 13, 19, 21, 25, 40.

² „Документы“, № 1, 6, 7, 8, 9, 14, 15, 16, 17 и др.

понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств¹.

Анализируя эти „эмпирически данные обстоятельства“ Узбекистана XVIII в., мы должны прежде всего отметить поливной характер земледелия на основной площади обрабатывавшихся земель. Условия климата и почвы Узбекистана почти всюду не допускают существования культурной растительности без искусственного орошения, а проведение оросительной сети требовало, при примитивной технике, совместной работы многих тысяч людей, что осуществить возможно было только с помощью государства; классики марксизма неоднократно указывали, что этим обстоятельством объясняется значение в азиатских странах государственной собственности на землю. Однако Маркс никогда не утверждал, что во всех странах Азии и во все времена существовала только одна эта форма земельной собственности.

В письме к Энгельсу от 14 июня 1853 года Маркс писал: „что касается вопроса о *собственности*, то по поводу его среди английских ученых, пишущих об Индии, ведутся *большие споры*. Впрочем, в сильно пересеченной гористой местности к югу от Кришны собственность на землю, повидимому, существовала. Напротив того, на Яве — по словам сэра Стэмфорда Раффльса, бывшего *английского* губернатора Явы (см. его „History of Java“) „where rent to any considerable amount was obtainable“, земля составляла полную *сouvereign* собственность. Во всяком случае магометане, повидимому, не установили во всей Азии принципа „отсутствия собственности на землю“².

Указанные нами выше поземельные документы XVII—XVIII вв. доказывают наличие в Узбекистане этого времени сочетания трех форм феодальной земельной собственности: государственной, частной и вакуфной. Первая из них была, повидимому, преобладающей по размеру, но менее доходной, почему феодалы и стремились получить земли в частную безусловную собственность, хотя бы путем выкупа их у государства. Документально засвидетельствованы значительное распространение крупной частной феодальной земельной собственности в Узбекистане XVIII в. и постепенный рост земельной собственности отдельных феодалов, которые покупали многочисленные участки земли у других собственников и у государства и старались сосредоточить их по возможности ближе один к другому с тем, чтобы стать собственниками, а затем и суверенами на значительных территориях страны.

Переход земель из государственной собственности в полную собственность отдельных феодалов неизбежно приводил к усилению крестьянской зависимости.

Сохранилось немало документов, свидетельствующих о том, что бухарские землевладельцы обладали не только землями, но и целыми населенными деревнями.

Купец Н. Григорьев, грек, проживший в Бухаре много лет, рассказал, что в Бухаре он „на немалую сумму расторгнулся, да и деревни при том городе было нажил, кои де достались ему от тамошних знатных и богатых людей за долги; одна лучшая, называемая Гаранша, от города верстах в 27-ми, в коей тутошних природных бухарцов дворов с десять за 600 червонцев, а прочие три от города верстах в 30-ти, называемые Апкент, Кучулбай да Чилангу, червонцев за 300, но в них собственных его людей не было, а припущал, семей по пяти и больше из тутошних

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, М. 1954, стр. 804.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. XXI, М.—Л., 1929, стр. 501.

же пахотных бухарцов из трех частей того, что они, живучи на той земле, хлеба выпаживали¹.

Н. Григорьев сообщил также, что он давал знатым бухарцам деньги под залог деревень и что перед отъездом в Россию свои деревни он продал.

Не все в сообщениях Н. Григорьева может быть воспринято без критики, прежде всего потому, что его показания, изданные В. В. Вельяминовым-Зерновым, были записаны со слов Н. Григорьева чиновником, который мог по-своему, исходя из фактов более знакомой ему русской действительности, истолковать некоторые места речи купца.

Однако отмеченный в этих показаниях факт широкого распространения в Бухарском ханстве купли-продажи населенных деревень подтверждается и подлинными бухарскими актами², из которых видно, что власть феодалов распространялась не только на пахотные земли, но и на те, которые находились под усадьбами и домами крестьян. При продаже или пожаловании переходили в другие руки не только земли, но и сидевшие на этих землях крестьяне³. Эмиры-землевладельцы распоряжались крестьянами как рабочей силой для производства строительных и прочих работ⁴. Юридического закрепощения крестьян здесь не было, да оно и не требовалось, так как уйти с орошаемой земли крестьянам было совершенно некуда, а орошение находилось в руках землевладельцев.

Во второй половине XVIII в. земля в Бухаре настолько приобрела характер товара, что возможна была быстрая продажа значительных земельных участков⁵.

Превращаясь в товар, земельные участки подвергались действию закона концентрации земельной собственности, и постепенно в руках магнатов концентрировались обширные площади обрабатываемой земли⁶.

Каждый феодал, как уже было отмечено, старался сосредоточить свои земли по возможности в одном месте; для этого крупные собственники обменивали или продавали далеко расположенные участки и усиленно скупали соседние. В этом помогало им постановление мусульманского права *шув'ат* о преимущественных правах соседа на покупку земель, прилегающих к его владениям. Земли приобретались также при помощи ростовческих и залоговых операций.

Природные и исторически сложившиеся особенности среднеазиатского земледелия в сильной степени ускоряли процесс превращения землевладельцев в независимых вотчинников. В условиях орошаемого

¹ В. В. Вельяминов-Зернов, Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Среднею Азиею со временъ кончины Абул-Хайр хана (1734—1765 г.), т. 1, Уфа, 1853, Приложение, стр. 10.

² „Документы“, № 14.

³ ИВ АН УзССР, док. № 508; ЦГИА УзССР, ф. 323, № 1073; см. также текст жалованной грамоты Имамкули хана в кн. А. А. Семенова, Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Труды САГУ, сер. II, Orientalia, в. I, Ташкент, 1929, стр. 29, как нам кажется, неверно понятый автором, и текст среднеазиатского документа XVI д. в статье С. Л. Волина, К истории среднеазиатских арабов, Труды II сессии ассоциации арабистов. М.-Л., 1941, 118-120.

⁴ Убайдулламе, л. 1686.

⁵ Абдулкарим Бухари, например, рассказывает: „Владелец Мерва, Мухаммед Хусейн хан, после завоевания этого города Шахмурадом был переселен в Бухару. Однажды, испугавшись за свою жизнь, он тайно распродал все подаренные ему Шахмурадом земли и бежал в Шахрисябз“ (изд. Ch. Schefer, Paris, 1876, p. 63).

⁶ „Документы“, № 14—33 и др.

земледелия, когда источник воды попадал в зону власти крупного земельного собственника, он, естественно, делался властителем жизни и смерти населения всей округи, особенно тех земель, которые лежали ниже по течению магистральных каналов. Не только мелкие землевладельцы, но даже вакуфные учреждения не в силах были противостоять магнатам и теряли доходы от земель, которые попадали в окружение их владений.¹

Не следует упускать из виду и то, что бии, ставшие землевладельцами, не теряли при этом ни своих пастбищных угодий, ни своего скота, ни возможности эксплуатировать трудящихся кочевников на выпасе и уходе за стадами и переработке продукции животноводства.

Расширяя свои вотчины и получая поэтому большие доходы от эксплуатации земледельческого и кочевого населения, эмиры содержали собственные военные дружины и без конца воевали то друг с другом, то с ханами. Кочевой строй в изобилии поставлял наилучших в то время воинов, глубоко презиравших всякое мирное занятие.

По мере усиления местных феодалов, естественно, уменьшались ресурсы и возможности центрального правительства. Слабость ханской власти, распадение страны на множество мелких областных центров, затрудненность торговых сношений не могли не тормозить развития производительных сил в ремесле и сельском хозяйстве. Здесь мы сталкиваемся с обратным влиянием политической надстройки на развитие базиса.

Если эмиры старались расширить свои вотчины и усилить свою независимость от ханской власти, то все усилия ханов были направлены в противоположном направлении: подчинить себе все племена и области, получить возможность беспрепятственно эксплуатировать крестьян и ремесленников и расширить возможности для торговли. Для этого надо было прежде всего подчинить или уничтожить мятежных вотчинников.

Вплоть до середины XVIII в. все попытки в этом отношении были тщетны. Феодалная раздробленность, хозяйственный и культурный упадок привели в конце концов к потере независимости страны, и узбекские ханства—Бухара и Хива—на некоторое время подпали под власть иноземного завоевателя—Надир шаха.

Вторая половина XVIII в. в области производственных отношений отличается от всего предшествовавшего времени развитием условного служилого землевладения, так называемого танхо, и превращением его в поместье.

Термин танхо существовал и раньше, в XVI—XVII вв., но тогда он обозначал, как это видно из актов (правда, немногочисленных), просто бенефиций, пожизненное пожалование земельной ренты.² Во второй половине XVIII в. термин танхо приобретает значение строга условного служилого землевладения. В этом смысле танхо является противоположностью землевладения типа милки хуррихолис, т. е. частных обеленных имений. Если обладание обеленными имениями усиливало независимость их владельца от центральной ханской власти, то получение танхо, наоборот, обязывало службой и потому привязывало служилого человека к хану и усиливало ханскую власть.

¹ Потомки Дервиш Мухаммед Тархана в 1721 г. отдали Аллаяр бию старинные вакуфные земли, взяв взамен участок в другом месте, причем в акте объясняют причину этого обмена тем, что „вокруг этих земель находились имения упомянутого бия“ и потому вакуфное учреждение не могло получать доходов с своих земель. ИВ АН УзССР, ф. Чеклар, № 32 и ЦГИА, ф. 323, № 306/4.

² „Документы“,... № 4.

Хотя раздробленность Узбекистана между тремя, а временами и более чем тремя отдельными ханствами никогда не была ликвидирована окончательно, все же в конце XVIII столетия мангыты в Бухаре, кунграты в Хиве и минги в Коканде, опираясь на поддержку горожан и служилых людей, смогли нанести ощутительные удары силе вотчинников и начали систематическую борьбу за создание феодальных монархий.

Мангыты применяли обычный и для других стран метод „вывода“ вотчинников из родных им кочевых юртов и областей с освоенными имениями. Например, Мухаммед Рахим хан мангыт после третьего своего похода на завоевание Шахрисябза поручил завоеванные крепости своим надежным служилым людям, а местных владетельных эмиров-кенегесов перевел в Бухару, поближе к себе. Здесь им было определено „жалование“ и „кормление“. Однако эмиры-кенегесы остались крайне недовольными своим новым положением: „Постоянно с их стороны слышались недовольные речи и, проявлялись неподобающие поступки“,—говорит Мухаммед Вафо.¹

Еще до завоевания Шахрисябза Мухаммед Рахим хан применил подобные меры к владетелю крепости Нур (Нурата) Тугай Мураду буркуту.

„До тех пор, пока его преданность не будет доказана,—говорит Мухаммед Вафо,—решили отстранить Тугай Мурада от управления родными ему местами... При этом ему пожаловали (суюргал фармуд) поместья (зийа') и земельные владения (и'кор) в бухарском тумане“².

Нередко практиковалось переселение целых кочевых племен, а иногда и оседлых жителей на новые места с целью ослабить их самостоятельность и поставить в более зависимое положение от центральной власти.

Из „Странствования“ Филиппа Ефремова и из источников начала XIX в. известно, что во второй половине XVIII в. число служилых людей, пользующихся доходами с земель т а н х о в Бухарском ханстве, было весьма значительно.³

Приняты были также решительные меры для восстановления вакфов; религиозным учреждениям и потомкам шейхов, сейидов и других почитаемых лиц возвращалась недвижимость, которая была когда-то обращена в вакф, но за годы смут в начале XVIII в. захвачена и присвоена эмирами. Сохранилось огромное число вакуфных документов, возобновленных в период правления Шахмурада (1715—1800). В одной из таких грамот, возобновленной в 1794 г. по подлиннику 1662 г., имеется приписка о том, что „вследствие превратности времени и многочисленности насилий со стороны эмиров, а также вследствие нерадивости и тупости невежественных казиев вакуфные грамоты некоторых медресе и мечетей частично или полностью утрачены. Поэтому эмир [Шахмурад] поручил доверенным лицам (а м и н а м) и писцам переписать вакуфные грамоты заново, чтобы [одни списки их] находились в казначействе падишаха, а другие—на руках у распорядителей (м у т а в а л л и) и чтоб заботы об этих [вакуфных] землях не ослабевали“⁴.

¹ Тухфаи хани, л. 197.

² Там же, л. 1666.

³ Странствование надворного советника Ефремова в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию. Новое исправленное и умноженное издание, СПб, 1794, стр. 18, 21, 39—40; В. Л. Вяткин, Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803 гг.), Изв. Ср. Аз. отдел. РГО, т. XVIII. 1928.

⁴ ЦГИА УССР, ф. 323, № 306/4.

Такое содействие укреплению вакуфного землевладения было необходимой данью влиятельному духовенству, с помощью которого ханы могли успешнее поработать трудящееся население. С другой стороны, это — показатель слабости и феодальной отсталости ханской власти, которая не только не в силах была пойти на секуляризацию церковных земель, но, наоборот, вынуждена была увеличивать долю землевладения духовных феодалов.

Во всей Средней Азии и особенно в Хивинском ханстве в XVIII в. продолжались работорговля и использование рабов на самых тяжелых и грязных работах.

Перейдем к рассмотрению политических событий, происходивших в узбекских ханствах в XVIII в. Основное содержание их составляет классовая борьба трудящихся против феодальной эксплуатации. Наряду с этим следует иметь в виду, что для дальнейшего роста производительных сил настоятельно требовалось преодоление феодальной раздробленности страны. Поэтому важное значение в политической истории этого периода имела борьба между различными группами феодалов за создание централизованной феодальной монархии, для чего надо было сломить сопротивление местных удельных правителей.

Борьба крестьян Узбекистана в XVIII в. против феодальной эксплуатации и усилившегося процесса их закрепощения крайне слабо отражена в известных до сих пор исторических источниках. Это объясняется происхождением почти всех наших источников из правящего лагеря. Только редкие беглые замечания авторов исторических хроник в связи с освещением других вопросов позволяют сделать заключение, что тяжелое разорение крестьянского хозяйства вследствие феодальной эксплуатации и феодальных неурядиц не переносилось крестьянами безропотно. Ниже мы приводим свидетельства современников относительно крайней степени эксплуатации трудящихся в начале XVIII в.

Идеологи правящей феодальной клики отдавали себе отчет в том, что народное терпение истощено и господствующему классу феодалов грозит всеобщее крестьянское восстание. Не только беднейшие ремесленники, но, повидимому, и пришедшие из деревень разоренные крестьяне принимали участие в разгроме домов богатей в Бухаре в 1709 г. Выступать самостоятельно против феодалов, имевших укрепленные замки и вооруженные дружины, крестьянам в тот период, повидимому, было трудно, но они принимали активное участие в борьбе против своих угнетателей, присоединяясь к враждебным им феодальным группировкам или к горожанам.

Из таких выступлений, имевших место в XVIII в., до нас дошли сведения о городском восстании в Хисаре в 1703 г., о массовом восстании в Бухаре в 1708 г., об активном участии народа в самаркандском и бухарском восстаниях 1709 г., о восстании в Бухаре в 1713—1714 гг., о восстании в Балхе в 1719 г., о вооруженной борьбе горожан против кенегесов в Бухаре в 1719 г., о восстании горожан Ташкента против Жолбарс хана в 1740 г., о восстании хивинцев против Надир шаха в 1741 г., об участии „простолюдов“ (ф у қ а р а) в восстании кипчаков Миянкаля в 50-х и 60-х гг., о восстании хивинцев против султана Каипа в 50-х гг., о народных восстаниях в Бухаре в 1758 и 1785 гг. и о восстании горожан Мерва против местного феодала в 90-х гг.

Все эти движения до сих пор не были предметом специального изучения историков; лишь о некоторых из них кратко упоминается во втором томе „Истории народов Узбекистана“.

Ниже мы приводим выдержки из доступных источников, дающие хотя бы слабое представление о характере и формах происходившей классовой борьбы.

Во время похода бухарских войск во главе с Рахим бием на Хисар представители городского населения Хисара явились на совет при Рахим бие и заявили, что они, будучи торговыми людьми, не имеют никакого отношения к феодальной расправе, ставшей причиной похода и войны. Но с тех пор, как бухарское войско заняло Хисар, положение горожан стало крайне затруднительным. Представители города Хисара потребовали от начальников бухарского войска, чтобы они позаботились о безопасности и нормальной жизни в городе.

Заподозрев в появлении городских представителей какую-то каверзу со стороны врагов, бухарские военные весьма грубо ответили на жалобы делегации и в ходе дальнейших переговоров обнажили мечи. Тогда горожане (фуқара) схватили камни и палки и такой толпой наступили на бухарцев, что те в испуге убежали из Хисара. После этого горожане и местные (хисарские) воины из племени юз осмелели и напали на шатры бежавшего бухарского войска.

„В городе Хисаре,—повествует источник,—началась анархия и смута, будто наступил день страшного суда. С трудом выбрались бухарские воины из города и кинулись в бегство без оглядки. Они удирали с такой быстротой, что два перехода совершали за один день и не имели времени даже сварить себе пищу. Всю дорогу их гнали догоняющие сзади хисарские юзы.

Когда бежавшие из Хисара эмиры явились в Бухару, они повесили от стыда опозоренные головы; их авторитет пал, в глазах войска и горожан они совершенно оскандалились.

Горожане-каршинцы, глядя на них, спрашивали: такие богатыри, вооруженные с головы до ног, почему бежали, как козы от волка?¹

Из этого эпизода видно, что в таких отдаленных городах, как Хисар, к началу XVIII в. сложилось многочисленное торгово-ремесленное население и накопилось огромное недовольство городской бедноты, которая участвовала в разгроме бухарского войска.

Конечно, хисарское восстание 1703 г. нельзя считать чисто городским восстанием. Вероятно, восстание горожан лишь сопутствовало феодальной войне между бухарским и хисарским феодалами. Не напрасно источник говорит о том, что преследовали убежавших бухарцев „хисарские юзы“—по всей вероятности, воины феодала, правителя Хисара. Но поскольку инициатива в восстании безусловно принадлежала простым горожанам—фуқара, которые выступили против феодалов с палками и камнями, мы вправе видеть в этом эпизоде новый для того времени элемент борьбы горожан против феодалов-завоевателей, что, как видно из описания, было совсем неожиданным для бухарского войска.

Непосредственным поводом к городскому восстанию в Бухаре в 1708 г. послужила денежная реформа михтара Шафи (главы финансового ведомства при ханах Абдулазизе, Субханкули и Убайдулле). Реформа была санкционирована Убайдуллой ввиду острого финансового кризиса, постигшего его казну.

¹ Убайдулланаме, лл. 53а и 75а.

В „Убайдуллонаме“ этой теме посвящена специальная глава с таким заглавием: „Описание выпуска неполноценных денег и волнения в Бухаре, возникшего по этой причине“. Приведем некоторые выдержки из этой главы, характеризующие общее положение в стране, ход классовой борьбы и политику Убайдуллы хана.

„Вследствие превратностей времени доходы ханской казны [к 1708 г.] стали уменьшаться, а широкие расходы и расточительность его величества [Убайдуллы хана] усугубили положение. Дело в том, что придворные финансовые чиновники сделали очень много крупных займов у богатых горожан (мутама в вилони шахр) и торговцев (туджар), так как для необходимых, а подчас и для излишних расходов дворца не хватало сумм, имевшихся в финансовом ведомстве (диван). День за днем расходы падишаха росли, и михтар Шафи пришел к выводу, что обязательные государственные налоги с городов и степи не покрывают потребностей хана на содержание дворца, войска и на взаимный обмен послами. Возможности делать займы также очень сузились. Если чрезмерно придавить податное население [налогами], то это приведет к смятению умов и разрушению сел и городов. А если внезапно потребуются собрать военное ополчение и снарядить его для похода, то в казне не окажется средств для того, чтобы приобрести и приготовить все это.“

Михтар Шафи предложил для пополнения ханской казны выпустить в обращение неполноценные деньги „путем изменения [состава] и уменьшения [веса] тенги.“ Он предлагал понизить пробу серебра при чеканке денег и расплачиваться неполноценными деньгами, „...в то время как [в виде налогов] в казну будет притекать полноценное серебро, и никому, якобы, от этого не будет вреда“.

„...Так как внешне это предложение казалось заманчивым и безвредным, надеясь таким путем выйти из затруднения и успокоить нуждающихся, простодушный падишах [Убайдулла хан] согласился и издал тайный приказ.“

Итак, путем изменения [состава] и уменьшения [веса] из одной полноценной тенги стали выбивать четыре.

Когда известие об этом распространилось среди народа, наступило смятение и ужасное волнение всех слоев общества. Дело зашло так далеко, что поправить его было уже невозможно, Кампаньоны (шурака) и мастера (касаба), все люди ремесла и торговли (ахли хирфа ва базар) заколотили свои лавки досками и убрали с базара сундуки с товарами и съестные продукты. Торговля прекратилась. Простонародье и бедняки лишились ежедневного пропитания.

В пятничный день народные массы принесли свои жалобы к ханскому дворцу. Они громко ругали и проклинали михтара Шафи. Избрав своим представителем человека, носившего прозвище „Юродивый пятисотманец“, которому доверяли все, вместе с ним пошли к подворью Ма'сума аталыка; там они подняли вопли, кричали грубые слова. Испугавшись общего натиска, аталык стал пространно оправдываться и свалил вину на придворных, о чем, мол, надо доложить падишаху. Успокаивая людей, он обещал уладить дело. Но так как натуре бухарцев было свойственно стремление к мятежу и восстанию, они не удовлетворились словами и уговорами аталыка и со всею массой людей, выдвинув вперед того юродивого, пришли ко дворцу падишаха. Эти бродяги (авбаш) стали бить камнями в ворота высокого арка, орали дикие, бредовые слова.

Когда об этом, с преувеличениями, доложили Убайдулле хану, он рассердился и приказал, чтобы распоряжениям михтара Шафи никто не

смел бы препятствовать, а тот, кто откажется принимать [новые деньги], будет казнен. Три или четыре человека были повешены, и то, чего желал михтар Шафи, осуществилось. Людям пришлось согласиться с принудительным курсом, пустили в оборот одну [монету] взамен четырех. Через несколько дней торговля в городе и округе открылась снова, а убыток они [торговцы] записали себе в расход. И до сих пор финансисты дворца действуют по примеру того безбожного михтара¹.

Из этого описания можно сделать следующие выводы:

1. В гор. Бухаре производилась торговля не только предметами роскоши, но и предметами первой необходимости, которые покупались бедняками (вероятно, ремесленниками) города.

2. В Бухаре были крупные торговцы и богачи (вероятно, ростовщики), которые могли ссужать деньгами государственное казначейство.

3. Главной боевой силой восстания явились городские бедняки (авбаш), не имевшие другого оружия, кроме камней, с которыми они атаковали ворота Бухарского арка и тем сильно напугали атаклыка и придворных.

4. Восстание бедняков было отчасти спровоцировано торговцами. Именно торговцы, закрыв свои лавки и оставив весь город без необходимых продуктов, дали первый толчок к восстанию бедноты и они же, вероятно, постарались направить гнев масс против финансового ведомства, денежная реформа которого была невыгодна прежде всего торговцам.

5. Налоговый пресс на трудящихся как в городе, так и в сельских местностях был заведен до предела, о чем свидетельствует изложенное выше изображение михтара Шафи, весьма опытного финансиста, который заявил, что дальнейшее повышение налогов неизбежно повлечет за собою восстание.

6. Причиной финансовых затруднений государства Убайдулла хана являлась, с одной стороны, недостаточность налоговых поступлений, а с другой, как указывает источник, сильно возросшие расходы ханского правительства. Выше перечислены и главные статьи государственных расходов: на содержание двора, войска и послов. Характер расходов, если отбросить содержание двора, роскошь которого всюду возрастает с развитием денежного хозяйства, в части, касающейся содержания войска и посылаемых чиновников, указывает на стремление к образованию централизованной феодальной монархии, которой необходимо было иметь свое сильное войско и свой чиновничий аппарат для того, чтобы быть независимой от феодалов-вотчинников. Мы видим, что Убайдулла хан встретился на пути к этому с совершенно непреодолимыми трудностями: в начале XVIII в. феодалы-вотчинники в Бухарском ханстве были еще настолько сильны, что без участия их военных дружин хан не мог предпринять ни одного похода.

Когда хан приглашал их с дружиной для участия в походе, они часто добивались того, чтобы поход был совершен не туда, куда посылал хан, а туда, куда они сами желали, причем намерения и действия разных феодалов были иногда противоположны, что крайне ослабляло общегосударственные военные силы.

Таким образом, денежная реформа михтара Шафи была вызвана необходимостью иметь в казначействе резерв для того, чтобы не

¹ Убайдулламе, лл. 138—140.

оказаться в случае войны в зависимости от феодалов-сепаратистов. Даже если бы хан смог созвать для похода феодальное ополчение, ему требовались значительные суммы для раздачи феодалам перед началом похода.

Чисто феодальный характер реформы — выпуск неполноценных денег с грубо принудительным курсом — отражает феодальный характер государства хана Убайдуллы, который нисколько не посчитался с интересами торгово-ремесленного населения. Исход борьбы в пользу хана доказывает, что торгово-ремесленное сословие было не в состоянии противиться даже тем мерам феодально-деспотического государства, которые грубо нарушали его классовые интересы.

Автор „Убайдулланаме“ утверждает, что при выезде Убайдуллы в Самарканд в 1709 г. все мятежники (ахли фисад), затруднявшие передвижение по дорогам простолюдинов (фуқара) и бедняков (масакин), разбежались и попрятались во рвах и пещерах. Большинство из них было поймано и уничтожено.

Однако из дальнейшего изложения видно, что в 1709 г. в Самарканде с большой силой проявилось сопротивление феодалов-сепаратистов централизаторским стремлениям хана.

Эмиры во главе с аталыком Ма'сум-ходжей выразили несогласие с назначением на пост правителя Самарканда Нигматуллы бия наймана и открыто поставили хана перед необходимостью выбирать между ними и Нигматуллой. Чтобы заставить хана считаться с ними, эмиры демонстративно не явились на курунуш (т. е. на прием в ханском дворце).

Когда об этих самаркандских событиях узнали бухарцы, в столице тоже началось волнение. Оставленный в Бухаре наместник Худаяр парвоначи мангыт (дед будущего основателя новой династии), опасаясь народного восстания, вызвал из Каракуля войско кочевников и поставил их лагерем в центре города у ворот арка. Горожане заподозрили Худаяра в намерении совершить государственный переворот. Источник утверждает, что против этого восстали все — и знатные и простые горожане.

„Видя палатки кочевников на улицах города, начальники горожан (калонони шаҳр) тоже обнажили оружие и приказали охранять башни и укрепить крепости, а охрану ворот поручили бдительным часовым. Жители деревень при виде этого тоже испугались и стали с семьями переселяться в город. Жителям Бухары пришлось испытать ужасное смятение... чернь и подонки общества (рунуд ва авбаш) воспользовались этим долгожданным случаем и стали грабить имущество [богатых] мусульман. Чтобы увеличить испуг жителей (фуқара) эти лжецы распустили слух, якобы к Бухаре приближаются ургенчцы. Это удвоило смятение в городе, а они, пользуясь им, творили свои дела“¹.

Для прекращения смуты были привлечены представители духовенства — Султан-ходжа Накшбенди и Абдуррасул Ахрари, являвшиеся муршидами Убайдуллы хана и многих знатных эмиров.

Они призывали эмиров перед лицом опасности со стороны внешнего врага (калмыков) подчиниться хану. С другой стороны, Убайдулла уговорили отослать Нигматуллу бия куда-нибудь подальше, хотя бы в Термез. При этом Абдуррасул Ахрари обещал хану поднять против мятежных эмиров всех ходжей, сейидов, ремесленников и горожан,

¹ Убайдулланаме, лл. 143—153.

чтобы их (эмиров), в случае неповиновения хану, побили бы камнями и палками.

Ходжа Абдуррасул Ахрари выступает здесь как решительный сторонник централизации государства, обещающий использовать влияние шейхов на трудящихся горожан в пользу хана и повести их против эмиров-сепаратистов. Другой ходжа—Султан Накшбенди не согласился с Абдуррасулом Ахрари и просил хана простить вину эмиров и помириться с ними.

В конце концов Убайдулла хан был вынужден пойти на компромисс,—отослал Нигматуллу из Самарканда и назначил его правителем Термеза, предварительно условившись с мятежными эмирами, чтобы узбеки их родов не причинили Нигматулле и его людям вреда¹.

Таким образом, при посредстве духовенства конфликт 1709 г. был, хотя бы на время, ликвидирован, и Убайдулле на этот раз удалось удержаться за собой бухарский престол.

В 1719 г. против балхского правителя Мухаммед хана восстали горожане Балха. Источники, к сожалению, слишком кратко упоминают об этом событии, объясняя его тем, что Мухаммед был чересчур жаден, и еще тем, что он поссорился с ходжей Му'мином Парсои, вследствие чего „люди Балха устроили всеобщее восстание (худжуми омм),“ и Мухаммед хан со своим аталыком бежал в Шабурган. За жадность народ называл Мухаммед хана „кафир ханом“, т. е. неверным, безбожником, с точки зрения мусульман.

Повидимому, Убайдулла сознавал необходимость прекращения феодальных неурядиц и стремился создать в Бухаре централизованную феодальную монархию. В „Убайдулланаме“ приводится программная речь этого хана, в которой он ставит перед центральной властью задачу „...усмирить тех, кто преграждает торговые дороги и посягает на кровь и имущество мусульман, очистить страну от мятежников“²... Конечно, под „мятежниками“ понимались не только феодальные сепаратисты, но и восставшие народные массы, подавление которых было основной задачей эксплуататорского феодального государства. Однако государство феодалов могло быть сильным только при условии централизации власти.

„Надо чтобы юрты (полунезависимые вотчины кочевых племен) были бы завоеваны слугами (военными служилыми людьми),—говорил Убайдулла, убеждая эмиров идти походом на Балх.—Сидеть на одном месте—это дело старых баб и бессильных людей“³,—энергично заявлял он в ответ на осторожные отговорки военачальников, не желавших усиления и централизации феодальной монархии и отказывавшихся под разными предлогами вести свои дружины воевать за бухарского хана.

Убайдулла хан имел некоторое количество наемных воинов из калмыков и русских, но для серьезной войны этих сил было недостаточно и потому бухарское правительство в военном отношении находилось в зависимости от имевших военные дружины вотчинников, против которых, собственно, оно и должно было бы бороться.

Убайдулла хан, отстраняя представителей родо-племенной знати от управления государством, окружая себя безродными людьми, связанными с базаром⁴, назначал на высшие посты незнатных и даже

¹ Убайдулланаме, лл. 153—158.

² Там же, лл. 24 и 27.

³ Там же, л. 316.

⁴ Там же, лл. 201а 208а.

таких, которые происходили из рабов. Например, на должность кушбеги, фактического ханского везира и главы правительства, Убайдулла назначил Туракула кадыка, бывшего раба. ка
м

По словам Абдуррахмана Тали, это было каплей, переполнившей чашу терпения степных аристократов¹, и они составили заговор против Убайдуллы.

Стремясь установить в Бухаре самодержавную власть, Убайдулла хан не посчитался даже с влиятельными шейхами Джуйбари, которые были крупнейшими духовными феодалами-землевладельцами и предпринимателями, эксплуатировавшими крестьян и ремесленников Бухарского ханства. Как сказано в „Убайдулланаме“, хан посягнул на их старинные землевладельческие привилегии, отменив налоговой и административный иммунитет, которым они пользовались издавна.

„Их старинные наследственные мельниковые земли хан подверг обложению налогами в пользу военных, а представителей администрации Джуйбарских шейхов (вероятно, сопротивлявшихся вторжению сборщиков с ханскими бератами) он приказал арестовывать“².

После этого к заговору вотчинников присоединились шейхи Джуйбари. Горожане не поддержали грабившего их хана, и Убайдулла был убит 16 марта 1711 г.

В результате переворота феодальная раздробленность в стране резко усилилась. Посаженный на трон кочевыми вотчинниками Абулфайз хан был уже в полной от них зависимости. Чины и государственные должности распределялись аристократами без участия хана³. Междоусобные войны феодалов из-за земель и из-за высоких должностей, дающих возможность эксплуатировать население государственных земель, разгорелись с еще большей силой. Именно в этот период феодальная раздробленность достигла наибольшего развития, и ханство фактически распалось на отдельные, почти независимые феодальные владения.

Посол Петра I Ф. Беневени довольно точно характеризовал состояние Бухарского ханства.

„Хан... высокие имеет идеи к владению, а силы не имеет, за скудостью казны, которую не один раз озбеки опрастали, а чем бы вновь наполнить доходов не стало. Хан... озбеков [феодалов] желал бы весьма перевестъ, дабы абсолютно ханствовать и не иметь от них депенденцию... Хан уругу, или роду сказать, как озбеки, не имеет; того ради принужден в драках озбеков употреблять против озбеков, а у них все заодно, и вместо того, чтоб за хана постоять верно, временем сами к бунтовщикам пристають; а ежели братьев и сынов при хане в аманатах и имеют, то на степи лежат на несколько времени без драки и без ничего, а потом паки в город приезжают со лжами к хану и претендуют награждения, который мусит на каждого кафтан надеть и похвалить его службу. Хан ни на кого так не надеется, как на своих холопов калмыков и русаков, сиречь на тех, которые на Руси родились, а которые и здесь родились от отца или матери басурманской и тем не весьма верит и оных без калмыков николи в партию не высылает. Ныне озбеки советуют хану, чтобы с ними вместе в поход выезжать, дабы поскорее всех злоумышленных или покорить или весьма разорить, а потом бы к Самарканду поехать и тут со- ка
м
ру
к

¹ Тарихи Абулфайз хан, ркп. ИВ АН УзССР № 11, л. 126.

² Убайдулланаме, л. 206б.

³ Там же, лл. 247—248.

вершенно короноваться; ...озбеки нарочно хана на степь выманивают, чтоб свободнее одного предать, чему и сам давно догадывается и выезжать не хочет, только проводит их словами, будто поедет. И озбеки хану тоже лестят Балхом и иными местами, обещая под его владение привести, а наипаче при нынешнем случае, ибо Балховские озбеки меж собою дерутся и разоряются; одна партия хана хочет, другая не акцептует. Одного недавно выгнали, а другой, который ныне ханом, и тот брат большой помянутого Темир султана, который в Аралах... Сей хан [Абулфайз] по сию пору чрез обман немалое число озбеков перевел, а искоренить не может при большой учиненной экзекуции, что наипущаго недруга Кор-аталыка из рук упустил, и чрез уход его оный Хан больше бед себе нажил, понеже оный аталык выехал на степь, содружася с иными партизанами озбеками, великое разорение учинил везде в окружности, до самого города в партиях подъезжал так, что ни одну деревню в целости не покинул; все разграбил и утащил. Окромѣ того, город так оскудел провизиями и иными запасами, что простой народ принужден был детей своих продавать и тем кормиться, а другие и с голоду померли. Хан сам большую половину верблюдов, лошадей и иного скота потерял, и такую нужду претерпел в провизии и в фураже, что принужден на деньги покупать, понеже опасался по своим деревням посылать¹.

В 1713 г. произошло восстание в Самарканде. Задолго до этого в Бухару поступали жалобы на притеснения и беззакония, творимые правителем Самарканда—Фархад бием парвоначи. По выражению источника, Фархад бий „поджег дома горожан“². Жители Самарканда жаловались бухарскому хану, но никакой помощи не получили. В начале 1713 г., по настоянию самаркандских горожан, Фархад бий был отстранен и на его место правителем Самарканда назначили Мухаммед Рахим бия дурмана. Однако этот правитель не смог осуществить свою власть в Самаркандской области среди узбекского племени китай-кипчаков. Для подчинения китай-кипчаков Рахим бий вызвал из Шахрисабза Султана туксабу с войском племени кенегес. Прибывшие в Самарканд кенегесы грабили и обижали население Самарканда.

Источник так рассказывает о сложившемся положении:

„Кенегесы протянули руку насилия над беззащитными жителями города. Так как горожане несколько раз заявляли об этом и их просьбы не исполнялись, то поневоле они устроили всеобщее восстание (х у д ж у м и о м м) и выгнали Султана туксабу из города. Мухаммед Рахим бий тоже испугался, но ходжи и казии города уговорили народ пойти на примирение, и со всеми были заключены соглашения (а х д х о)“³.

Автор этой хроники Абдуррахман Тали, к сожалению, не сообщает нам содержания соглашений, заключенных по инициативе самаркандского духовенства между феодальными правителями и горожанами.

Вскоре после этого события в Бухаре тоже возникло движение горожан и заговор группы военных против ханского аталыка Ма'асум ходжи в пользу Худаяр бия, деда основателя мангытской династии. По словам Абдуррахмана Тали, „...все военные сговорились и, придя в ханский дворец, заявили: „наш аталык Худаяр бий. Ма'асум аталыка и его зятя Ибрахим бия не признаем“.

¹ Беневени, цит. соч., стр. 135—138.

² Тарихи Абулфайз хан, л. 336.

³ Там же, л. 33 и сл.

В этот день в городе [Бухаре] началось восстание. Дом Ибрахим бия, находившийся на базаре Ходжа, был осажден. До ночи он отражал атаки, а затем бежал в Шахрисябз. Ма'асум аталыка выслали из Бухары в Карши, и там он умер. Его дочь, захватив все его богатство и имущество, отправилась к своему мужу, Ибрахим бию, в Шахрисябз. В конце концов аталычество перешло к Худаяр бию¹.

В другом месте Абдуррахман Тали сообщает, что волнение самаркандских горожан поднялось из-за того, что Фархад бий посягнул на имущество мусульман (вероятно, богатых горожан Самарканда)². Относительно Ибрахим бия в той же хронике сообщается, что он имел Шахрисябз в качестве своего яйлака (летнего пастбища), а в Бухаре владел мельками (собственными пахотными землями), которые после восстания горожан в 1719 г. были отобраны у него в казну³.

Перейдем к описанию только что упомянутого восстания в Бухаре в 1719 г.

После того, как Абулфайз хан проявил полную неспособность противостоять сепаратизму самаркандских феодалов, Ибрахим бий прибыл из Шахрисябза с отрядом, состоявшим из 1000 кенегесов, мангытов и джабутов. Этот отряд грабил и притеснял население окрестностей Бухары. На жалобы оседлого населения феодалы отвечали насмешками. Когда отряд Ибрахим бия подступил непосредственно к воротам арка, завязалась перестрелка со стражей арка.

Абдуррахман Тали подчеркивает, что наступавшие со стороны Ибрахим бия были в большинстве знатные и сановные феодалы, имевшие собственные именные печати, как бы в противовес защитникам арка, которые принадлежали, видимо, к числу неродовитых чиновников ханского аппарата и воинов стражи.

Наступавших на арк было свыше 300 человек, а защитников много меньше. Поэтому защитники ханского дворца обратились за помощью к горожанам, призывая их бить осаждавших арк феодалов. Горожане немедленно откликнулись на этот призыв и на улицах Бухары были построены баррикады; в течение нескольких дней шли уличные бои, и в конце концов победили горожане и дворцовое войско Абулфайза. 300 кенегесов было убито⁴.

Именно после этого поражения Ибрахим аталык и, вероятно, другие феодалы его отряда потеряли свои имения в бухарских туменах; они были отобраны в казну.

Так как выступление феодалов закончилось неудачей и Абулфайз со своими придворными благодаря помощи горожан Бухары удержался у власти в этом городе, Ибрахим бий кенегес решил отторгнуть от ханства Самарканд с его богатейшим округом. В 1722 г. кенегесы провозгласили в Самарканде ханом царевича Раджаба, Ибрахимова зятя, что явилось крайним пределом феодального распада Бухарского ханства.

Флорио Беневени, который был в Бухаре в 1722 г., так описывает происходившие события:

„...Ибрагим бий, что ни пуще враг, пошел на Самарканд, оным городом завладел. После того вкупе с другими узбеками одного из ханской фамилии, а именно Ширгази хана двоюродного брата, на ханство поднял, нарицая его Реджеп-хан Бухарский и выдал за него

¹ Тарихи Абулфайз хан, лл. 35—36.

² Там же, л. 97а.

³ Там же, лл. 114а и 119б.

⁴ Там же, лл. 97—116.

дочь свою, а сам по старому в аталыках постановился. Также другие придворные чины разным озбекам разделил и много казны подарил и непрестанно дарит, дабы за нового хана верно стояли и поскорее бы бухарского хана или живого или мертвого увидети. Чего ради многие малконтенты к новому хану Реджепу пристали, а наибольший один из озбеков, на которого сей хан, яко на своего брата надеялся, после как отселе честной халат послан, внезапно изменил и пришлет к партии сына своего, чтоб здесь городу страх подал, а хана из Самарканду в свои городки стал призывать. И тот его сын великие пакости наделал, до самого города с одной стороны до чиста разорил. Никто из озбеков на драку выезжати не хотел; претендовали, чтоб и хан выезжал и удовольствовал бы их жалованием, а все искали как бы лучше хана потерять; а в городе страх такой был, что неподобный крик и воп; деревенские люди, которые спаслись уходом, чуть не принудили хана из города бежать, ежели-б озбечье дело не управлено было; ибо хан последнее разделив озбекам, выслал оных под командою вынешнего начальства, а сам остался в городе, обещая, что и он с достальными военными последовать хотел (а не выезжают).

Ныне пятый месяц как в неотменном страху живем, дабы внезапно озбеки со стороны нового хана город не штурмовали... Аталык как отселе поднялся месяц тому минуло, а ничего не сделал доброго; пишет, что озбеки не хотят драться и будто без акции и большая часть уже разошлась, и надлежит де самому хану выезжать или на тридцать тысяч золотых высылать для роздачи озбекам; а не так, и сам назад будет.

Новый хан по сию пору в Самарканде и ждет пока в силе станут лошади, чтоб к Бухарам поход восприяти, что всеконечно случится, если некоторые озбеки из Самаркандских гор около помехи не учинят, на которых сей хан великую имеет надежду¹.

После того, как Самарканд отделился от Бухарского ханства и местные эмиры провозгласили ханом одного из хивинских царевичей, Раджаба, в долину Зеравшана вторглись казахи, вытесненные из Казахстана нашествием калмыцкого [джунгарского] войска Цеван Рабтана (1723).

„Кочевники,—говорит Мухаммед Вафо,—со своими бесчисленными кибитками и войском страшной лавиной нахлынули в Самаркандский вилайет, и богатейшая, прекрасная страна сделалась их добычей; они принялись грабить и ломать все, что украшало и оживляло эти места. Они совершенно разорили весь Миянкаль, вплоть до границ бухарских туманов, и в течение семи лет творили здесь беззаконие и насилие. Они грабили хозяйства и имущество привилегированных (барайя), порабощали и уводили в плен неимущих (ра'айя). Недвижимые имущества (и'қар) и поместья (зи'йа') господ землевладельцев (арбаби зира'ат), сады и цветники обладателей дехканского хозяйства они потравили скоту, пашни и луга страны вытоптали копытами и превратили в пустыни. Цена зерна поднялась до крайности, начался голод².

Не менее яркую картину бедствий этих лет (1723—1730) рисует Мухаммед Якуб.

„В течение семилетних непрерывных набегов [кочевники] разоряли земледельческие районы, расположенные между Самаркандом и Бухарой. В Мавераннахре наступил такой голод, что даже человеческое мясо пошло в пищу людям: мертвых не хоронили, а съедали.

¹ Ф. Беневени, цит. соч., стр. 147—148.

² Тухфаи хани, л. 166.

Наступило полное смятение; повсюду люди, покинув родные места, разбрелись в разные стороны. В Бухаре осталось два гузара жителей; в Самарканде ни одной живой души не осталось¹.

Вскоре независимость узбекских ханств подверглась еще большей опасности—на этот раз с юга, со стороны иранского правителя Надир шаха.

Воспользовавшись политической раздробленностью узбекских ханств и слабостью бухарского хана Абулфайза, иранский шах Надир с 1736 г. начал отрывать от его владений одну за другой южные провинции. Иранское войско, возглавляемое сыном Надира, Ризакули, захватило прежде всего области по левому берегу Аму-Дарьи—Андхуд, Шабурган и Ахча, в течение нескольких столетий до этого считавшиеся частью Бухарского ханства. Вслед затем был отторгнут от Бухары главный город южных ее провинций—Балх. В 1738 г. Ризакули с двенадцатитысячным войском переправился на правый берег Аму-Дарьи и подступил к городу Карши. Отобрав у населения богатой Каршинской области все имевшиеся запасы продовольствия², Ризакули осадил Карши. Хотя аталык Абулфайза Мухаммед Хаким бий мангыт и принял спешные меры для отражения неприятеля, но вследствие измены правителя области Хузар Бабахана, который с трехтысячным отрядом передался на сторону Надир шаха, Карши оказался в крайне затруднительном положении. Мухаммед Хаким принужден был просить подкрепления из Бухары.

Перед лицом грозной опасности Абулфайзу удалось мобилизовать значительные силы в Бухарской и Самаркандской областях, племена Миянкаля и получить довольно большой отряд из Коканда; соединившись с защитниками Карши, эти войска составили армию в несколько раз большую, чем отряд иранцев Ризакули. Однако в сражении около Карши узбеки потерпели решительное поражение и вынуждены были снова укрыться в крепости. Армия Надира оказалась лучше организованной, чем разрозненные по племенным подразделениям узбекские ополчения, а главное—лучше оснащена огнестрельным оружием.

В течение пятнадцати дней Ризакули осаждал Карши, но узнав о приближении хивинского хана Ильбарса, выступившего со значительным опозданием на помощь бухарцам, счел за лучшее ограничиться сделанной разведкой, снял осаду и ушел за Аму-Дарью.

В 1740 г. Надир шах со своими главными силами двинулся на завоевание Средней Азии. Приготовленные заранее в Балхе провиант и артиллерию он отправил водою вниз по Аму-Дарье, а сам с войском перешел реку по понтонному мосту возле Чарджоу.

На этот раз Мухаммед Хаким аталык решил не оказывать сопротивления иранцам. Навстречу Надир шаху выехал его сын Мухаммед Рахим бий мангыт (будущий основатель новой бухарской династии). Надир шах наградил его ханским званием, назначил командующим шеститысячным отрядом узбеков и послал с этим отрядом в Мешхед. Затем Надир шаху передался сам аталык, который также был награжден шахом и возвратился в Бухару уже как его уполномоченный. После этого Абулфайз капитулировал.

Историк Мухаммед Вафо утверждает, что с Абулфайзом выехали в ставку Надира только его приближенные и служилые люди, всего около 200 человек, тогда как свиту аталыка составляли знатные люди Бухары, эмиры, сейиды и казии города³. Надир шах наложил на

¹ Гульшан ал-мулук, ркп, ИВ АН УзССР № 1507, л. 1336.

² Тухфаи хани, л. 23а.

³ Там же, л. 42а.

Бухару контрибуцию и набрал из узбеков несколько тысяч воинов для своей армии.

После капитуляции Бухары Надир шах отправился с войсками к Хиве, оказавшей ему упорное сопротивление. Ожесточенные бои под Хазараспом и Ханка кончились победой Надира. Хивинский хан Ильбарс был убит. Приглашенный хивинцами казахский хан Малой орды Абулхайр вскоре бежал, видя, что население Хивы не единодушно в намерении сопротивляться Надиру. Хива была взята после четырехдневной осады, на жителей наложена контрибуция, войско присоединено к войску иранцев, а в Хиве оставлен наместник с иранским гарнизоном.

Кокандское и Ташкентское владения не подверглись иранскому завоеванию и именно с середины XVIII в. укрепились в качестве феодальных государств, не зависевших от Бухары¹.

После ухода Надира шаха в Персию формально его наместником остался Абулфайз, но фактически управлял Бухарой аталык Мухаммед Хаким (до смерти в 1745 г.). Местные феодалы—в Миянкале, Шахрисябзе, Хисаре и других областях—совершенно перестали подчиняться бухарскому правительству. Дело дошло до того, что бухарцы подверглись нападению во время весеннего праздника, когда тысячи горожан выехали за город. Вождь племени хитай Ибадулла, узнав о беспечном времяпровождении бухарцев, дерзко проник к городу и набегом захватил множество людей и богатую добычу². Абулфайз жаловался на Ибадулла Надиру шаху, и из Ирана был прислан отряд, состоявший из иранцев, афганцев и других.

В „Гульшан ал-мулук“ приводятся интересные подробности пребывания Надира шаха в Бухаре и его политики в отношении феодалов—предводителей узбекских племен.

После первого свидания с Абулфайзом „...Надир шах вызвал Мухаммед Рахима мангыта и сказал ему: „Назови мне узбекских вельмож“. Мухаммед Рахим стал перечислять имена знатных узбеков и их сыновей, Писец записывал. Таким образом занесли в список имена всех узбекских эмиров, имевших местопребывание на пространстве от Бухары до Хисара и до Ходжента. Этих эмиров вместе с карачиками (вспомогательное войско) Надир взял с собою в числе до 18 000 человек в Иран.

Через три года, узнав о нападении Ибадуллы бия на бухарцев во время весеннего праздника, Надир шах осыпал упреками Мухаммед Рахима.

„Я же тебе приказал назвать имена всех непокорных узбекских эмиров, чтобы я взял их с собой и твоя страна избавилась от их зла. Почему ты покровительствовал Ибадулле и скрыл его имя?“

Мухаммед Рахим объяснил, что во время составления списка узбекских вельмож Ибадулла бий еще не имел тех сил и значения, которые он приобрел впоследствии³.

Таким образом, автор „Гульшан ал-мулук“ приписывает Надиру шаху сознательное содействие мангытам в создании централизованного феодального государства в Узбекистане, причем принятые им меры в значительной степени оставались безрезультатными и не достигали цели, поскольку в последующие годы продолжали расти силы независимых владетелей, подобных Ибадулле бию.

¹ П. П. Иванов, цит. соч. стр. 96.

² Тадж ат-таварих, соч. Мухаммед Шарифа, ркп. ИВ АН УзССР № 2092, л. 283а.

³ Гульшан ал-мулук, л. 135.

После этого Мухаммед Рахим был возвращен на родину и воспользовался данным ему иранским отрядом для свержения династии аштарханидов и убийства Абулфайза.

До 1753 г. Мухаммед Рахим правил от имени подставных ханов. По рассказу купца Николая Григорьева: „Рахим бек не ханского роду... чего ради он, бек, свою партию в ханы тут выбрал уже постороннего и только для виду народу бывшего Аральского Шатемир хана сына Байдуллу, которому и ныне не более 16 лет и ни смыслу ни силы ни в чем не имеет, да и содержит его он, Рахим бек, в своих руках, как когда хочет и так всею Бухарию больше нежели настоящий хан, властвует сам, чего ради в подкрепление силы своей... выведенных с собою из Персии афганцев содержит все при себе с особливим ласкательством, чрез что народ, хоть им и недоволен и весьма ему не рад, но опровергнуть его не могут; но как к тому хотя малый случай возымеют, то они, особливо узбеки, учинить того не оставят. По нем же, Рахим беке, хотя и другие знатные, Девлет диванбеги и прочие некоторые там есть, но в народное правление кроме его никто из них вступить не может“¹.

Выведенным из Ирана войскам Мухаммед Рахим платил жалование и давал чины. Однако его власть не могла базироваться только на силе чужеземного войска. Как указал В. В. Бартольд, он пользовался поддержкой бухарского духовенства, а также „выдающихся людей из ремесленников и подданных“². Мухаммед Рахим ввел некоторые „новшества и поборы“, которые были отменены в конце правления Даниял бия, как не предусмотренные шариатом.

Мухаммед Рахиму приписывается восстановление Даргомской плотины на Зеравшане, с помощью которой подавалась вода для орошения Самарканда и его окрестностей.

Автор „Гульшан ал-мулук“ Мухаммед Якуб Бухари утверждает, что Мухаммед Рахим в государственных делах следовал примеру Надир шаха и старался все 92 узбекских рода подчинить своей власти так, чтобы у них не осталось никакой возможности сопротивляться правительству. Действительно, все годы своего правления Мухаммед Рахим воевал против сепаратистов-вотчинников, вождей узбекских племен, стремясь подчинить их центральной бухарской власти.

Вскоре после воцарения Мухаммед Рахима в области Нур поднялся мятеж во главе с буркутом Тугай Мурадом, который собрал под свое знамя всех окраинных феодалов и даже казахов Дешти-кипчака. Из Нурата он привел за собой „всех пеших и конных“; восстание охватило весь Миянкаль и Хатырчи. После длительных битв с переменным успехом это восстание было подавлено³. Юрт буркута Тугай Мурад бия был отобран у него, а для прокормления ему дали имение (и'қар) и поместье (зи'йа') в бухарском тумане⁴. Окончательно покорив миянкальских кипчаков, Мухаммед Рахим велел крепости их срыть, военных казнить, а простолюдинов (фу'қара) переселить из той области⁵.

После умирения Хатырчи туда переселили карлуков из Несефа, а племена етти-уруг и бахрин заставили переселиться поближе к Бухаре⁶.

¹ В. В. Вельяминов-Зернов, цит. соч., Приложение, стр. 16.

² В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 106.

³ Тухфаи хани, л. 131а.

⁴ Там же, л. 166б.

⁵ Там же, л. 157а.

⁶ Там же, л. 157а.

В 1753 г. Мухаммед Рахим предпринял поход против владетелей Ургута, богатой и неприступной крепости к югу от Самарканда.

Начавшееся в это время восстание юзов Хисара возглавил Мухаммед Амин бий. К нему присоединился Субханкули бий кенегес, и они вместе завладели крепостью Шахрисябза. Вслед за ними восстало племя сараев в Хузаре. Но посреди восставшего района, в новом городке Сангфуруш, имевшем значительное население, были осаждены сторонники бухарского правительства. Постанцев поддержали и прислали войска ходжентский Фазил бий юз, байсунские кунграты, кштутский Асад бий, ургутские—Муса и Хайдар. Когда все они присоединились к Мухаммеду Амину, он почувствовал себя не слабее мангытского правительства и послал отряды грабить Карши¹.

Оставив своего дядю Даниял бия в Миянкале, Мухаммед Рахим отправился в поход против восставших и покорил Шахрисябз, Хисар и Куляб. В последующие годы он подчинил себе Ходжент, Ташкент, Туркестан и другие области². Однако незадолго до смерти он принял мал послов от Ташкента, Балха и Бадахшана, как от независимых государств.

Сразу же после смерти Мухаммеда Рахима (1758 г.) в Бухаре началось восстание, в ходе которого улицы были перегорожены баррикадами; бедняки, овладев имуществом богачей, подожгли их дома³. Вслед за тем Шахрисябз и Хисар вышли из повиновения Бухаре. Правитель Ура-Тюбе Фазил бий юз захватил Самарканд и угрожал Кермине. На выручку правителю Кермине Шахмураду поспешил из Бухары Даниял бий аталык, ставший после смерти Мухаммеда Рахима фактическим правителем Бухарского ханства, хотя правил он от имени подставных ханов (Фазил хана и Абдулгази хана). Даниялу удалось выгнать Фазил бия из-под Кермине⁴, но когда он вернулся в Бухару, ему в течение часа не открывали ворот арка. Виновником этого заговора был Нарбута бий, отец подставного Фазил хана. За проявленную непокорность Даниял бий сверг Фазил хана, выслал его отца в Карши, а на трон Бухары посадил Абулгази джанида.

Историк Мухаммед Якуб Бухари утверждает, что Даниял занимался главным образом военными и судебными делами, а все остальное, в том числе финансы, находилось в ведении Давлета кушбеги, бывшего везиром еще со времен Мухаммеда Рахима хана и происходившего из рабов⁵.

Вскоре после прихода к власти Даниял бия подняли восстание миянкальцы. Даниял бий со своим войском взял их крепости и жестоко расправился с населением. После этого, в 1771 г. восстал Нарбута бий, высланный Даниялом в Карши за попытку захватить власть в Бухаре. К нему присоединились феодалы Хузара и Шахрисябза. Посланное против них войско во главе с сыном Даниял бия Шахмурадом было разбито, а сам Шахмурад попал в плен. Чтобы освободить Шахмурада из плена Даниял бию пришлось отдать крепость Карши захватившему Шахмурада Бута бию. Но так как Бута бий вскоре проявил тенденцию к непокорности, летом того же года Даниял бий снова пошел на Карши. Осада этого города длилась

¹ Тухфаи хани, л. 1626.

² Абдулкарим Бухари, цит. изд., стр. 52.

³ Тадж ат-таварих, лл. 415—417.

⁴ Гульшан ал-мулук, л. 137а. В Истории народов Узбекистана (т. II, стр. 122) приводится другая версия, якобы Даниял бий вступил в переговоры с повстанцами во главе с Фазил бием. К сожалению, авторы не указывают источник.

⁵ Там же, лл. 137а—138б.

шесть месяцев и кончилась тем что приближенные Бута бия убили его и сдали Карши Даниялу¹.

Между Даниялом и его сыном Шахмурадом существовали резкие разногласия по вопросу о методах управления государством. К концу правления Данияла Шахмурад добился отмены некоторых „новшеств“ и поборов, введенных Мухаммед Рахим ханом².

В 1785 г., после смерти Даниял бия, в Бухаре снова вспыхнуло народное восстание. К сожалению, источники сообщают о нем крайне глухо и кратко. Мы не имеем никаких сведений о движущих силах и о причинах этого восстания. Известно лишь, что повстанцами было убито более 1000 человек (очевидно, представителей господствующего класса)³. Эта цифра показывает, что движение было массовое. Напуганные восстанием бухарские сановники возвели на трон Бухары Шахмурада, пользовавшегося некоторой популярностью у торгово-промышленного населения. Для снискания популярности Шахмурад вел нарочито скромный образ жизни. С этой же целью он освободил жителей города Бухары от денежной подати, взимавшейся с каждого дома, и торжественно дал горожанам грамоту на тарханство (т. е. привилегию в налоговом и некоторых других отношениях). Затем он принял меры для восстановления оросительных систем на Зеравшане, Аму-Дарье и Кашка-Дарье⁴. Вновь орошенные земли занимали узбеки, переходившие к оседлости.

Шахмураду приписывается инициатива в проведении четырех реформ: финансовой, судебной, административной и военной.

Финансовая реформа Шахмурада заключалась в отмене всех непредусмотренных шариатом поборов с населения; он оставил только харадж (поземельная подать в размере $\frac{2}{5}$ урожая), закят (подать с торговцев и скотоводов в размере $\frac{1}{40}$ части имущества) и джизью (подать с иноверцев). Эта реформа была вынуждена грозными народными возмущениями и городскими восстаниями. Не уменьшая, быть может, степени эксплуатации земледельцев и ремесленников, она создавала больший порядок в налоговом деле, давала горожанам (торговцам и ремесленникам) некоторую гарантию от посягательств государственной власти на их собственность.

Судебная реформа Шахмурада состояла из двух частей: во-первых, было проведено некоторое относительное упорядочение судопроизводства, организована высшая судебная палата при дворе, состоявшая из сорока ученых законоведов во главе с самим Шахмурадом; во-вторых, было усилено уголовное преследование за преступления против частной собственности. Так, например, Шахмурад ввел смертную казнь за разбой на дорогах и отрубание правой руки за воровство.

Административно-полицейская реформа Шахмурада заключалась в восстановлении должности раиса — блюстителя нравов, которому вменялось в обязанность строго следить за выполнением всеми мусульманами предписаний шариата, регламентирующего, как известно, всю гражданскую и даже частную жизнь с назойливой мелочностью. За нарушение правил шариата раис и его помощники имели право подвергать виновников телесному наказанию на месте, без всякого разбирательства дела. Пьянство, курение, даже праздничные развле-

¹ Гульшан ал-мулук, л. 1386.

² В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 107.

³ О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре, Записки Мирзы Шемса Бухари, изд. в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым, Казань, 1861. Примечания, стр. 45.

⁴ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 108—109.

чения, традиционные конские скачки, борьба и т. п.—все было за-
прещено. Зато богомольность и благочестие широко поощрялись: же-
лающих учиться в медресе подкармливали, и их число выросло
до 30.000.

Сам Шахмурад считался большим знатоком богословия и законо-
ведения и автором нескольких богословских сочинений.

В военной реформе тоже сказалось ханжество, свойственное этому
правителю: в каждый отряд он назначал имама, одновременно резко
повысив требовательность в части воинской дисциплины. Войско
Шахмурада, насчитывавшее около 60.000, стало получать регулярное
жалованье из средств, которые составлялись путем выделения одной
пятой доли военной добычи¹.

Здесь уместно указать, что многочисленные походы Шахмурада
в Хорасан имели целью не завоевания, а только военную добычу.

Т. С. Бурнашев так описывает состояние бухарской армии при
Шахмураде.

„Бухарское войско составляют узбеки. Там нет пехоты, а только
конница... оружие—сабли, ружья, копыя и стрелы, но редкий имеет
все эти оружия вместе. Некоторые надевают кольчуги и имеют щиты
железные или сшитые из лосиных кож. Рядовой получает в год по
2 тили (около 12 руб.) жалованья и по семи батманов (около 56 пудов)
пшеницы, а в военное время сверх того еще некоторое награждение.
Всякий рядовой в военное время должен иметь столько съестных
припасов, чтобы достало на весь поход. Оные перевозятся на вер-
блюдах и особых лошадях, кроме фрунтовых, коих имеет каждый
рядовой по две... в Бухарии находится два рода медных пушек: одни
из них слишком велики, а другие слишком малы и потому те и дру-
гие употребляются не с большим успехом. Первые возят на больших
телегах, запряженных быками. Во время пальбы привязывают фитиль
к длинному шесту и стоя в нарочитом расстоянии зажигают порох.
Но так как пушки прикрепляются к телегам только веревками, то
нередко веревки рвутся и они, опрокидываясь назад, падают на
землю. Из них можно выстрелить не более 5—6 раз в день. Мелкие
пушки персидской работы—лучше“².

Для аграрной политики Шахмурада характерно стремление восста-
новить, как уже было сказано выше, доходные имения духовенства
путем возобновления вакуфных документов, утраченных в „смутное
время“ начала XVIII в.

Таким образом, Шахмурад ввел немало преобразований и новых
порядков, но делал все это под флагом „борьбы с новшествами“, с
отступлениями от шариата.

В 1786 г. брат Шахмурада, Султанмурад, правивший городом и
округом Кермине, открыто перестал подчиняться бухарскому эмиру.
Как видно, Султанмурад имел значительные военные и материальные
ресурсы, потому что Шахмураду пришлось несколько раз пытаться
подчинить Кермине военной силой, но безуспешно. Наконец, Шах-
мурад переменял тактику: разными дипломатическими уловками он
привлек на свою сторону вождей племен юзов и кенегесов, ранее
поддерживавших Султанмурада, и лишь после этого ему удалось ото-
брать область у Султанмурада. Вслед затем Шахмурад совершил
успешные походы на Шахрисябз и Ходжент, подчинив на время эти
области своей власти.

¹ Сведения о реформах Шахмурада заимствованы нами главным образом из при-
мечаний В. В. Григорьева к запискам Мирзы Шемса Бухари, стр. 45.

² Б у р н а ш е в, цит. соч., стр. 101—102.

Еще в 1786 г. Шахмурад начал серию походов для завоевания Мерва. В первом же походе правитель этого города Байрам Али был убит при защите Мерва, окрестности города разграблены, но сам город, повидимому, не был взят, и по заключенному мирному соглашению правителем Мерва назначен один из сыновей Байрам Али. В результате второго похода Шахмурад при посредстве купцов овладел крепостью мургабской плотины, являвшейся головным сооружением оросительной системы Мервского оазиса, и приказал разрушить эту плотину. Через несколько часов Мерв остался без воды. Заниматься земледелием стало невозможно. Беднота города и округа очутилась в ужасном положении. Сыновья Байрам Али вынуждены были сдаться и приехали в Бухару; с ними было переселено значительное число жителей Мерва. Поставленный правителем этого города брат Шахмурада, Омар бий, вместе с братом своим Фазил бием вскоре отложился от Бухары, и Шахмурад опять пошел с войском на Мерв; он не смог взять его до тех пор, пока снова не разрушил только что восстановленную плотину, лишив таким образом город и поля его округа орошавшей их воды.

Этим варварским поступком цветущий Мервский оазис снова был превращен в пустыню. Доведенные до крайности жители Мерва восстали против Омар бия в пользу Шахмурада. Только в 1797 г. плотина была восстановлена, но последствия ее двукратного разрушения не могли быть ликвидированы в течение очень долгого времени¹.

Шахмурад воевал также с афганским правителем Тимур шахом, но имел в этой кампании не столько военные, сколько дипломатические успехи. Затруднив подвоз продовольствия к войску Тимур шаха, он начал с ним переговоры о мире, в результате которых сумел сохранить (временно) за собою северный Афганистан².

Как уже было сказано выше, Шахмурад неоднократно нападал на области Хорасана. В письмах к шаху персидскому Ага Мухаммеду Шахмурад грозил ему новыми походами и обещал наказать его за сопротивление. Вступление в Персию русской армии в 1796 г. отвлекло внимание персов и содействовало усилению внешнеполитического престижа Шахмурада.

С Россией Шахмурад старался поддерживать дружественные отношения. Неоднократно он отправлял ко двору императрицы Екатерины II посольства, послал в дар Екатерине слона, полученного им от афганского Тимур шаха, и просил прислать ему 10.000 войска и 50 пушек.

* * *

Завоевание Хорезма Надир шахом в 1740 г. тяжело отразилось на экономическом положении населения. Надир шах наложил на жителей Хорезма особый налог „за пощадку“ (мали амани), взимавшийся в таких огромных размерах, что трудящееся население было совершенно разорено. Вследствие этого, начиная с 1741 г. и в течение ряда лет, торговля хивинцев с Россией резко сократилась; они не только сами выбыли на некоторое время из числа участников оренбургской ярмарки, но и повлияли на привоз скота в Оренбург казахами в сторону его сокращения, так как были вынуждены скупать

¹ Абдулкарим Бухари, цит. изд. стр. 53—64; Гульшан ал-мулук, лл. 139—140; В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 69.

² В. В. Григорьев, цит. соч., Примечания, стр. 51—52.

у них скот для выполнения поставок Надиру и для внутреннего потребления.

Уже в 1741 г. хивинцы восстали против иранского наместника, перебили гарнизон, оставленный Надиром в Хиве, и возвели на престол казаха Нурали, сына Абулхайра, который был в то время правителем независимого владения Арал (в дельте Аму-Дарьи). Восстание это не привело к освобождению от власти шаха Надира, потому что хивинские сановники пошли на соглашение с завоевателями, и Нурали уже через полгода вынужден был бежать из Хивинского ханства. По приказу Надира ханом был назначен Абу Мухаммед, сын Ильбарса, а из хивинцев и аральцев, как раньше из племен Бухарского ханства, были составлены вспомогательные отряды и направлены в Иран. Кроме того, из Хорезма в Хорасан были насильственно переселены некоторые туркменские племена.

В 1747—1757 гг. ханом Хивы был казахский султан Каип, сын Батыра. Он пытался сломить сепаратизм племенных вождей и землевладельцев, но бежал из Хивы вследствие восстания населения, разорявшегося тяжелыми налогами. Основной движущей силой этого восстания были трудящиеся крестьяне и ремесленники. Восставшие перебили налоговых сборщиков и требовали провозглашения вместо Каипа¹ другого хана, наивно предполагая, что в их невыносимом положении повинны только личная жестокость и несправедливость Каипа. На самом же деле экономика ханства страдала больше всего от феодальной раздробленности. Слабость центральной власти позволяла вождям племен, в том числе туркменских, совершать набеги и грабить население. Спасаясь от произвола, жители покидали селения и города и уходили в соседние страны. Вследствие этого орошение пришло в упадок, многие поля оставались невозделанными; даже в столице ханства—Хиве—из-за голода и произвола феодалов осталось совсем немного жителей.

Назревшей необходимостью было создание централизованной феодальной монархии, которая могла бы подавить распри племен. Между вождями их происходила жестокая борьба за власть, решался вопрос о том, кто встанет во главе феодальной монархии.

В Хиве во второй половине XVIII в. выдвинулись инаки узбекского племени кунграт, пользовавшиеся поддержкой состоятельных горожан и духовенства. Инак Мухаммед Амин успешно отразил в 1770 г. нападение туркмен и в 1782 г. нападение бухарцев. Правя от имени „подставного“ хана Абулгази, Мухаммед Амин вместе с кушбеги, михтаром и аталыком сосредоточил в своих руках всю власть и независимо от хана распоряжался административными, финансовыми и военными делами. С 1804 г. в Хиве воцарилась не только фактически, но и формально новая узбекская династия кунгратов.

1770 год считается поворотным пунктом в истории Хорезма. С этого времени, после победы Мухаммеда Амина над туркменскими феодалами, хозяйство и торговля в Хивинском ханстве постепенно налаживаются, страна вновь заселяется и в короткое время достигает более цветущего состояния, чем раньше¹.

При инаках Мухаммед Амине и Ивазе значительно увеличилась площадь орошаемых земель к востоку от дельты Аму-Дарьи, на месте озера Даукара. Лишенное притока воды, так как узбеки преградили плотинами протоки, впадавшие в это озеро, оно иссякло и освободило землю для земледелия. При Мухаммеде Амине были проведены новые

¹ В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 97.

каналы к западу от дельты, из рукавов Чуманай и Чангли Басу, и таким путем были орошены новые участки земель.

Фергана еще в конце XVII в. стала обособленным владением. В 1710 г. власть захватил здесь Шахрух бий из узбекского племени минг. Основанная им местная династия овладела позднее почти всем бассейном Сыр-Дарьи и частью Семиречья. Столицей вновь возникшего государства стал гор. Коканд. Сюда бежал Рахим бий минг от преследований своего тестя Акбута бия, независимого правителя Ходжента.

Убийством Акбута и присоединением Ходжента Рахим бий минг начал „собрание земель“ Ферганской долины под главенством нового города Коканда. Процесс этот, как известно, не был завершен ни в XVIII, ни в XIX вв. и только присоединение Кокандского ханства к России в 1875 г. положило конец феодальным неурядицам, войнам с Бухарой и междоусобицам, продолжавшимся на протяжении почти всего периода существования ханства.

Преемник Рахим бия Абдулкарим не остался в своем уделе — Ходженте, а тотчас переехал в Коканд, обстроил его, и с этого времени (прибл. с 1740 г.) Коканд получил свое современное наименование.

Вследствие завоевания Кашгара китайцами и разгрома ими калмыцкого государства Джунгарии (1658—1760 гг.) часть кочевников-калмыков двинулась на запад и вторглась в Ферганскую долину. Абдулкариму удалось дать отпор подступившим к Коканду калмыкам. В Фергане нашли убежище бежавшие от китайцев кашгарские мусульмане. Население Кокандского ханства увеличилось также за счет переселенцев из Самаркандского вилаята. Таким образом, ферганские города, в особенности Коканд, стали крупными торгово-ремесленными центрами.

Постройка новых оросительных каналов дала возможность развития земледелия и садоводства, в том числе увеличения площадей хлопковых посевов. Для дальнейшего развития производительных сил настоятельно требовалось усиление центральной власти кокандских ханов и прекращение произвола и разбоя со стороны феодальных дружин, вождей кочевых племен. Какой остроты достигали столкновения между торгово-ремесленным населением городов и кочевыми „рыцарями“ показывает отмеченный источниками эпизод, который мы приводим здесь в изложении В. Наливкина:

„Приезжают, например, кипчаки со своих стойбищ-зимовок или курганчей (хуторов) на кокандский базар; покончив здесь со своими делами, на обратном пути они срывают с сартов (горожан—О. Ч.) халаты и чалмы, отнимают у них деньги и т. д.

Все это делалось среди белого дня, в городе, да притом еще стольным, чуть не на глазах у представителя верховной власти.

Безобразия эти озлобили, наконец, сартов настолько, что они, отчаявшись получить помощь от своих непосредственных властей, составили заговор. В ближайший же базарный день большая часть кокандских жителей явилась на базар с палками, топорами, шашками и другим оружием, спрятанным под халатами. Когда базар был в самом разгаре, с крыши ближайшей мечети кликнули клич, и началось поголовное избиение кипчаков, никак не ожидавших такой напасти¹.

¹ В. Наливкин, цит. соч., стр. 63. Имеются в виду феодальные дружинники племени кипчак а не трудящиеся кочевники.

Впоследствии кокандскому правителю Абдулкариму удалось, после настоятельных требований торгового и земледельческого населения, усмирить на время феодалов-разбойников из кипчаков.

Преемник Абдулкарима Ирдана бий, сын Рахим бия минга, в союзе с бухарским Мухаммед Рахимом мангытом воевал за подчинение Ура-Тюбе, но вследствие взаимных подозрений союзные войска разошлись из под Ура-Тюбе в разные стороны, и кокандцы потерпели жестокое поражение от ура-тюбинского правителя Фазил бия. Через несколько месяцев в сражении при урочище Аксу Ирдана одержал верх над Фазил бием и сложил башню из отрубленных голов ура-тюбинцев.

С середины 70-х годов и до конца века Кокандским ханством правил Нарбута бий минг, внук Абдулкарим бия. Его воцарению предшествовало смутное время дворцовых заговоров и убийств. По преданию, Нарбута бий долго отказывался от ханской власти, говоря, что быть ханом в Фергане слишком опасно. Представители знати гор. Коканда торжественно поклялись в верности Нарбуте и обещали ему поддержку. Лишь после этого, якобы, Нарбута согласился стать правителем Ферганы.

С самого начала царствования Нарбуты бия явилась необходимость подавить сепаратизм правителей Чуста и Намангана. Затем он одержал победу над восставшим правителем Ходжента и окончательно подчинил этот город Кокандскому ханству, Ура-Тюбе остался в номинальном подчинении Бухаре.

Как уже было сказано выше, начавшаяся в Фергане, как и в других узбекских ханствах, во второй половине XVIII века борьба за преодоление феодальной раздробленности продолжалась в XIX веке и не закончилась вплоть до момента присоединения Средней Азии к России. Прекращение междоусобных войн и феодальных распрей было благом для народа, для всех трудящихся городов и селений Средней Азии.

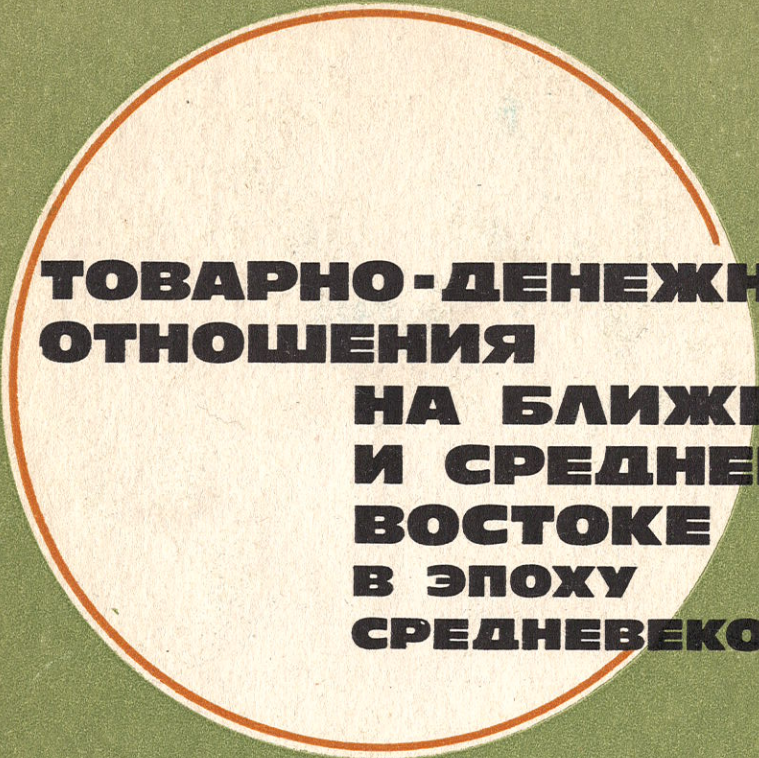
* * *

Изложенные выше факты приводят к выводу, что в первой половине XVIII в: в Средней Азии шел процесс усиления феодальной раздробленности и хозяйственного упадка, тогда как во второй половине века началось преодоление раздробленности и наблюдался некоторый хозяйственный рост.

По вопросу о причинах усиления феодальной раздробленности мы могли высказать лишь некоторые предположения. Для решения этого вопроса необходимо дальнейшее изучение источников.

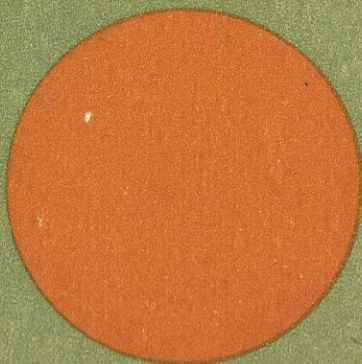

**ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ**

**НА БЛИЖНЕМ
И СРЕДНЕМ
ВОСТОКЕ
В ЭПОХУ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ
И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

О. Д. ЧЕХОВИЧ

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА

В Средней Азии, как и в других странах при феодализме, большинство городов с их областями находились под управлением феодальных монархов (здесь — ханов, султанов, эмиров и т. п.). Лишь немногие смогли достичь независимости, городского самоуправления (например, Пайкенд и Искиджкат в X в., Бухара при садрах в XII в., Хорасан [Сабзавар и др.], а также Самарканд при сарбадарах в XIV в., Ташкент, Туркестан, Бадахшан и некоторые другие города в XVIII в.).

Изучаемые в настоящее время источники об этих городских республиках Средней Азии заставляют отвергнуть прежнее убеждение, что в городах Средней Азии, а также Ирана и других стран Ближнего Востока в феодальную эпоху не было (и не могло быть) ни городского самоуправления, ни городского права и соответствующих учреждений¹. Чем дальше, тем больше находится оснований для вывода, что в Иране, в Средней Азии и в Закавказье (Ани, Карс, Дербент) средневековые городские республики, по-видимому, существовали, хотя и не достигли степени развития североитальянских, ганзейских и других европейских «коммун».

Рассмотрим имеющиеся сведения о перечисленных выше среднеазиатских самоуправляющихся городах.

Пайкенд до XI в. был одним из богатейших и сильно укрепленных торговых городов Средней Азии. По Якуби, в IX в. это был известный город, в котором постоянно можно было видеть «смесь людей», т. е. разных народов. Ибн ал-Факих и Табари (X в.) называли Пайкенд «городом купцов». По Наршахи, многие жители Пайкенда занимались внешней торговлей с отдаленными странами (например, с Китаем), снаряжали корабли с товарами для торговли с городами, расположенными по побережью Каспийского моря, и были чрезвычайно богаты. Китайские источники утверждают, что Пайкенд отличался от других городов тем, что он не имел государя и находился под управлением самих жителей. По мнению современных исследователей средневековых городов Средней Азии, «Пайкенд скорее всего был единственным в Средней Азии „вольным городом“, купеческой республикой»². Напомним, что и самоуправление в

Ани XII в. долгое время считалось «единственным случаем», исключением из правила.

В. В. Бартольд писал, что только на крайнем западе мусульманского мира, в Испании встречались городские общины с ясно выраженным республиканским устройством³. Постепенно мы узнаем, что самоуправляющиеся города имелись и в восточной части Арабского халифата.

Искиджкат был городом меньшего размера и значения, чем Пайкенд. Наршахи называет его не городом, а деревней — «диха» (персидский эквивалент арабского «карья»). Но известно, что термином «карья» в ранних арабских источниках обозначались и крупные села, и даже города. Такой крупный торговый центр (кстати, тоже самоуправляющийся), как Мекка, в Коране называется «карья»⁴. Арабские географы считали городами лишь те населенные пункты, где имелись соборные, пятничные мечети с мимбарами (кафедрами), откуда провозглашалась хутба (молитва за правящего государя и всех мусульман). Наличие такой мечети было важным преимуществом города, так как способствовало привлечению окрестного населения и оживлению торговли на базарах. Для открытия соборной мечети и проведения в ней пятничных молений с хутбой требовалось разрешение столичного духовенства. Бухарские имамы, вероятно из соображений торговой конкуренции, неохотно давали такие разрешения, даже если горожане уже построили для этого соответствующее здание. Многие крупные торгово-ремесленные центры оставались на положении деревень лишь потому, что в них не было мимбаров. Мукаддаси (X в.) писал, что даже пайкендцы долго не могли добиться установления у себя мимбара⁵.

В Искиджкате тоже не было пятничной мечети. В XI в. житель этого города Ходжа Хансалар, занимавший пост главного сборщика налогов, за свой счет построил здание мечети, но имамы Бухары запретили проводить в ней пятничный намаз и хутбу. Вероятно поэтому Наршахи не называет Искиджкат городом, хотя и говорит, что он имел сильное укрепление и богатство его жителей зависело не от земледелия, а от торговли и ремесла. Из Искиджката в другие города вывозилось много хлопчатобумажных материй. Раз в неделю там был базар.

Как доходное место Искиджкат принадлежал непосредственно арабским халифам. В IX в. брат халифа, Абу Ахмад Муваффах-биллах (ум. в 891 г.), передал этот город в качестве лена Мухаммаду б. Тахиру, эмиру Хорасана, а позднее продал его Сахлю б. Ахмаду Дагуни Бухари. Долгое время жители Искиджката платили Сахлю и его потомкам по 10 тыс. дирхемов в год, но в конце концов решили прекратить выплату этой подати. Наследники Сахля пожаловались бухарскому эмиру и предъявили ему документ о покупке Искиджката их предком. Эмир Исмаил Самани (892—907) признал документ правиль-

ным, но не смог удовлетворить претензию феодальных владетелей, потому что жителей Искиджката поддержали ходжи Бухары. При их посредничестве было найдено следующее решение вопроса: жители Искиджката обязались уплатить наследникам Сахля 170 тыс. дирхемов и таким образом выкупили город из феодальной зависимости от своего ближайшего владельца, уплатив ему одновременно сумму 17-летней подати⁶.

Здесь необходимо обратить внимание на роль ходжей в разрешении конфликта. Как мы увидим ниже, это аристократическое сословие стояло во главе городского самоуправления многих среднеазиатских городов XIV—XVIII вв. Они содействовали освобождению от феодальной зависимости и Искиджката, несомненно имевшего организованную городскую общину, осуществлявшую раскладку подати по домам. После этого оставалось, конечно, подчиненное положение города по отношению к сидящим в Бухаре Саманидам. Подобно немецким «вольным городам», Искиджкат стал свободным лишь в том смысле, что он заменил близкую и потому активную власть своего сеньора далекой и тем самым более слабой властью эмира⁷.

Бухара при садрах в XII в. была весьма своеобразным государством. Хотя власть садров переходила по наследству от отца к сыну, это не была обычная феодальная династия. По отношению к своим согражданам садры были, по выражению В. В. Бартольда, «почти что правителями»⁸. Титул «садр-джан», полученный от султана Санджара в 1102 г., носили не только главы правительства, но все семейство и их потомки. Садры, занимавшие в Бухаре должность раиса, т. е. начальника города и его округа, временами подчинялись сидевшим в Самарканде тюркским ханам. «В другие периоды Бухара описывается как город, находящийся под властью только садр-джана и полностью независимый от Самарканда также и политически»⁹.

Садры происходили из городской знати и представляли интересы горожан¹⁰. Они обладали громадным богатством в виде денежных средств, движимого и недвижимого имущества. Чванливое тщеславие одного из них вошло в поговорку. Принадлежа к сословию «людей чалмы», т. е. духовенства, садры стояли во главе многочисленных факихов (законоведов), от которых зависело то или иное толкование господствовавшего в Бухаре ханифитского мазхаба мусульманского права. Множество юридических трактатов было составлено в этот период, в том числе и отдельными представителями семейства садров, которые использовали шариат для обоснования преимуществ богатых горожан. В 1207 г. в г. Бухаре поднялось народное восстание против садров, ярко вскрывшее их социальное и экономическое положение. Бухарские ремесленники во главе с сыном продавца щитов захватили власть в Бухаре, свергнув садров. Их земельные владения были оставлены без оросительной воды, богатства

садров разграблены, и сами они оказались в долгах¹¹. Восстание было подавлено Хорезмшахом Мухаммадом, который покончил заодно и с правлением в Бухаре аристократического патрициата садров.

О сарбадарских «республиках» в Хорасане и Самарканде XIV в. сохранились более подробные сведения. Развернувшаяся за последние годы научная дискуссия о них¹² привела к более тщательному изучению всех письменных источников и нумизматических данных. Наиболее подробное, но и самое слабое в теоретическом отношении, исследование Д. М. Смита¹³ вопреки его собственному заглавию показывает, что никакой династии сарбадаров в Хорасане не существовало. Жан Обен первый, как нам кажется, совершенно справедливо назвал сарбадарское государство с центром в г. Сабзаваре «республикой» и «самоуправлением»¹⁴. До него только И. П. Петрушевский близко подходил к этой мысли, говоря, что это государство было во многом непохожим на другие. Если некоторые деятели сарбадарского государства и стремились создать династию из родственников инициатора восстания — Абдарраззак-а Баштини, это им не удалось¹⁵.

В течение почти полувека (1336—1381) в Хорасане с центром в Сабзаваре правили городские аристократы — ходжи вместе с представителями торгово-ремесленных корпораций и мелких землевладельцев. Нередко управление было коллегиальным: одновременно пост правителя занимали двое и больше (до семи) соправителей. В их числе встречаются люди низкого происхождения — сын раба, старшина ремесленного цеха и т. п. Некоторые вожди сарбадаров применяли в своем государстве такие традиционные формы, как хутба и сикка, титул султана и прочее, но другие правители не носили этого титула, не требовали для себя пятой доли добычи, держались как равные со всеми горожанами и даже не гнушались общения с такими отверженными, как обмыватели трупов. Они носили одежды простых горожан, устраивали общие трапезы для бедных и богатых, предоставляли каждому возможность явиться на прием и высказать свои претензии к правителю. Были случаи, что в результате таких критических выступлений правители уходили с этого поста и на их место ставились другие: так поступили, например, Айтимура в 1346 г., Кулу Исфендиар в 1347 г.¹⁶.

Экономическую основу сарбадарского государства составляли в основном доходы от торговли и ремесла. Внешние войны велись не только за политическую независимость, но и в немалой степени за господство над караванными путями, захваченными сарбадарами с самого начала восстания¹⁷. Даже уменьшив налог на земледельцев до трети урожая, сарбадары смогли (за счет тамги) содержать все увеличивавшееся войско (до 22 тыс. бойцов). Это были хорошо организованные и дисциплинированные отряды вооруженных ремесленников и торговцев¹⁸.

Сарбадарская армия на две трети состояла из пехоты и лишь на треть из кавалерии. Состав армии был демократизирован: все, состоявшие в списках, получали жалование¹⁹. И эта «толпа мужиков» (по выражению последнего ильхана) одерживала блистательные победы над армиями феодальных правителей, уничтожила последнюю монгольскую династию и силой оружия заставила окружающих феодалов признать независимость сарбадарской «республики».

Как признают все источники и исследователи, Сабзавар за годы правления сарбадаров разбогател, разросся и стал одним из крупнейших городов Ирана, тогда как ранее он был сравнительно небольшим городком в округе Байхак. Хорасан весь стал лучше обработанным и гуще населенным, так как сарбадары проводили ирригационные работы. Но главное, на что указывают даже враждебные сарбадарам источники, это процветание базаров во всех городах сарбадарской «республики», куда приезжали купцы из других стран, вывозившие продукцию местного ремесла²⁰.

Кратковременнее, чем в Хорасане, была власть сарбадаров в Самарканде (1365—1366). Восстание горожан произошло во время бегства правителей от наступления монголов. Оставшийся без войск и укреплений город выдвинул талантливых организаторов обороны, в числе которых были ремесленники, и дал отпор вражескому натиску. В речи руководителя восстания выражены упреки не только в адрес убежавших правителей, но и по отношению к городской знати, которую представитель народа считал ответственной за создавшееся положение. Хотя внутренняя политика самаркандских сарбадаров не освещена источниками, из некоторых намеков можно понять, что в течение года после победы над внешним врагом сарбадары правили в интересах горожан, не боясь посягнуть на имущество вельмож. В конце концов вернувшиеся правители с помощью аристократической верхушки города расправились с сарбадарами²¹. Народно-республиканский характер государства сарбадаров Самарканда не подлежит сомнению.

О городском самоуправлении в Ташкенте XVIII в. нам уже приходилось писать²². Там в связи с присоединением Казахстана возросли торговые обороты между Средней Азией и Россией и Ташкент сделался одним из крупнейших торговых центров. Ташкентские ходжи создали городское управление — «магистрат», по выражению русского источника 1735 г.²³. Для внешней охраны города и своих торговых караванов они приглашали казахских ханов, но во внутренние дела ханы не вмешивались, ограничиваясь сбором подати под контролем представителей «магистрата». Во внутренний город, где находились главный рынок, гостиные дворы, местопребывание правителей и судей, ханов вообще не пускали. Внешние сношения ходжи вели независимо от ханов. Во второй половине XVIII в. ханов в

Ташкенте не было. Город и окрестности были разделены на четыре части, подобные новгородским концам. Каждая часть управлялась независимо от других²⁴.

В. В. Бартольд отметил, что еще раньше, в конце XVII в., и в Фергане власть перешла к ходжам, а до этого в Кашгаре правили тоже ходжи — потомки Махдум-и А'зама, происходившего из Ферганы²⁵.

Интересная заметка о «республике» в Бадахшане 1734 г. содержится в докладной записке И. Кириллова о проекте постройки Оренбурга: «Бадахшанская провинция была во владении самаркандских, потом бухарских ханов, а за несколько последних лет [из-за] слабости бухарских ханов отложились и хана своего не имеют, но наподобие республики старшины народные содержат, которых около 40 человек есть»²⁶. Статьи, «вольным городом» называл Бадахшан и Николай Минер, камердинер посланного Петром I Флорио Беневени, живший в Средней Азии в 1721—1724 гг. Кроме Бадахшана, Ташкента и Кашгара он назвал «вольными городами» еще Балх, Маргелан и Андижан²⁷.

В настоящее время нам неизвестны источники, на основании которых мы могли бы заключить, что среднеазиатские самоуправляющиеся города выработали для себя особое городское право. Возможно, они и не нуждались в этом ввиду наличия шариата — права, созданного в основном горожанами и для горожан²⁸. Но есть сведения о городских уставах XIII в. в Закавказье²⁹.

¹ См.: «Советское востоковедение». Т. 5. М.—Л., 1948, с. 110; Всемирная история. Т. 3. М., 1957, с. 475; Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958, с. 138—139, 286.

² А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 150.

³ В. В. Бартольд. Народное движение в Самарканде в 1365 г.—Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964, с. 362.

⁴ Коран, XLVII, 14 и др. См. также: В. В. Бартольд. О Мухаммаде.—Сочинения. Т. 6. М., 1966, с. 635.

⁵ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, с. 165.

⁶ Мухаммад Наршахи, см.: Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nezchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publié par Ch. Shefer. P., 1892, с. 11—12; Мухаммад Наршахи. История Бухары. Пер. с перс. Н. Лыкошин под ред. В. В. Бартольда. Таш., 1897, с. 20—21; Тарих-и Наршахи, [Бухара, 1322] (Новая Бухара, 1904), с. 15—16; Тарих-и Бухара та'лиф-и Абу Бакр бен Джа'фар ан-Наршахи... тасхих-и Мударрис Разави. Тегеран, 1317 шамси, с. 14—16.

⁷ См.: А. Пирени. Средневековые города Бельгии. Пер. с франц. под ред. проф. Е. А. Косминского. М., 1937, с. 417.

⁸ В. В. Бартольд. Бурхан.—Сочинения. Т. 2. Ч. 2, с. 515.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.—Сочинения. Т. 1, М., 1963, с. 293—294, 389—390, 418—420.

¹¹ The Ta'rikh-i-Jahán-gushá of 'Alá'u 'd-Din 'Atá Malik-i-Juwayni (composed in A. H. 658-A. D. 1260). Ed. with an Introduction, Notes and Indices from Several Old MSS by Mirzá Muḥammad ibn 'Abdu'l-Wahhab-i-Qazwini. (GMS, XVI), pt II, Leyden—London, 1916, c. 74.

¹² И. П. Петрушевский. Движение сарбедаров в Хорасане.— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР». Т. 14. М., 1956; он же. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960, с. 424—466; [J. M. Smith]. The History of the Sarbadar Dynasty 1336—1381 A. D. and its Sources by John Masson Smith. The Hague—Paris, 1970; [J. Aubin]. La fin de l'état Sarbadar du Khorassan par Jean Aubin.— «Journal Asiatique». Т. 262. Вып. 1—2. 1974, с. 95—118.

¹³ [J. M. Smith]. The History of the Sarbadar...

¹⁴ [J. Aubin]. La fin de l'état Sarbadar..., с. 95, 96, 117.

¹⁵ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения..., с. 465.

¹⁶ Там же, с. 439, 440, 465—466; [J. M. Smith]. The History of the Sarbadar..., с. 127—128.

¹⁷ Там же, с. 125—126.

¹⁸ Там же, с. 113, 119.

¹⁹ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения..., с. 465.

²⁰ Хафиз-и Абру. Геогр. соч. Рук. Института востоковедения АН УзССР. № 5361, л. 2426 (цит. на перс. и рус. яз.: И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения..., с. 466).

²¹ См.: В. В. Бартольд. Народное движение в Самарканде в 1365 г., с. 373; Л. В. Строева. Сарбадары Самарканда.— «Ученые записки Ленинградского университета им. А. А. Жданова». Сер. востоковед. наук. Вып. 1. Л., 1949, с. 270—281.

²² О. Д. Чехович. К вопросу о единстве исторического процесса развития средневековых городов.— «Общественные науки в Узбекистане». 1974, № 6, с. 27—35; она же. Городское самоуправление в Ташкенте XVIII в.— История и культура народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1976, с. 148—159.

²³ Сказка приезжего из Ташкента сарта Нур-Мухамета, записанная в марте 1735 г. в Оренбургской экспедиции.— Материалы по истории России. Т. 2. Оренбург, 1900, с. 55—65.

²⁴ Мухаммад Салих Ташканди. Тарих-и джадиде-йи Ташканд. Рук. Института востоковедения АН УзССР. № 7791, л. 354а—359а; см. также: О. Д. Чехович. Сказание о Ташкенте.— Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1968. М., 1970, с. 172—192.

²⁵ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана.— Сочинения. Т. 2. Ч. 1, с. 275—276.

²⁶ См. Полное собрание законов Российской империи. Т. 9, 310, док. № 138.

²⁷ См.: А. Попов. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом.— «Записки Русского Географического общества». Т. 9. СПб., 1853, с. 388—389.

²⁸ C. F. Lokkegaard. Islamic Taxation in the Classic Period. Copenhagen, 1950, с. 32.

²⁹ А'ин-и шахрдари дар карн-и хафтум аз Мухаммад бен Мухаммад бен Ахмед Карши, тарджима-йи Джа'фар Ша'ар. Тегеран, 1327.

О. А. ЭФЕНДИЕВ

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ТЕБРИЗА В XV—XVI ВВ.

Научная периодизация истории феодальных городов Ближнего Востока, выявление периодов их максимального экономического подъема и периодов наибольшего спада — одна из сложных и наименее изученных проблем. Периодизация со сравнительной оценкой отдельных этапов может исходить только из накопленного материала по истории социально-экономического развития городов. Между тем именно аналогичные вопросы еще не получили надлежащего отражения в советской историографии, что можно отчасти объяснить скудостью сведений источников о внутренней жизни городов в феодальную эпоху, а также слабостью археологического обследования многих из них.

Одним из крупнейших городов восточного средневековья являлся Тебриз, который сыграл огромную роль в социально-экономической, политической и культурной жизни не только Азербайджана, но и всего ближневосточного региона. Вместе с тем история Тебриза до последнего времени не была объектом специального изучения в нашей исторической науке. В зарубежной буржуазной историографии единственной работой, посвященной истории города, оставалась до недавнего времени обширная статья В. Ф. Минорского в «Энциклопедии ислама»¹, переведенная на персидский язык и изданная в Иране отдельной книжкой². Этот труд В. Ф. Минорского представляет общий обзор политической истории Тебриза. В 1973 г. в Иране была опубликована книга Мухаммада Джавада Машкура, посвященная истории Тебриза до конца XV в.³ В ней собран интересный материал по древней и особенно средневековой истории города, архитектурным памятникам старины, описанию его топографического плана и т. д. Но в этой книге очень мало сведений о внутренней, социально-экономической жизни Тебриза, его роли как крупнейшего торгово-ремесленного центра Ближнего Востока. История Тебриза освещается на фоне смены правящих династий, внешних политических событий, что само по себе не может служить основой для построения научной периодизации.

Некоторые наблюдения и суждения по интересующей нас проблеме были высказаны в трудах русских и советских исследователей. И здесь одним из первых был акад. В. В. Бартольд,